

Разсказъ стараго солдата¹.

Глава I.

Мечта матери. - Меламедъ Рувимъ Козакъ. - Обстановка хедера, - „Ребе- цинъ“ Хава. - Костюмъ и обличье хедерника. - Вводъ въ хедеръ - Плата за ученіе. - Провизія школьниковъ. - Роковая пятница, 11-я годовщина моего рожденія. - Я пойманъ „ловцами“. - Суббота въ льсной труппобъ. - Мой товарищъ по несчастью. - Благодетельные душегубы. - Увозъ въ городъ и сдача въ воинское присутствіе.

Помню себя съ 5 - лѣтняго возраста. Первое воспоминаніе связано съ слѣдующимъ событіемъ. Мать моя надѣла на меня новый ситцевый нагрудникъ – «арбеканфось» и, подаривъ мнѣ пять грошей денегъ, сказала: «Иди съ этими деньгами въ бейсгамедрашъ и кинь въ кружку, а если по дорогѣ встрѣтятся нищіе, раздай». При этомъ она нѣжно обвила руками мою голову, крѣпко прижала къ своей груди и съ тяжелымъ вздохомъ прибавила: «да благословить тебя Всевышній, чтобы ты вышелъ такимъ же цадикомъ², какимъ былъ мой отецъ, да будетъ ему тамъ свѣтлый рай!» Мать меня любила больше всѣхъ дѣтей, не потому что я былъ младшій въ семьѣ, а потому что я носилъ имя ея отца, который былъ раввиномъ въ нашемъ мѣстечкѣ. Она все мечтала, что и я буду раввиномъ.

Когда мнѣ наступилъ шестой годъ, родители стали думать, къ какому меламеду³ отдать меня въ хедеръ⁴. Изъ меламедовъ для начинающихъ въ нашемъ мѣстечкѣ наиболѣе славился Рувимъ, носившій кличку деръ Козакъ. Сейчасъ объясню, почему меламеду дали такую храбрую кличку.

Рувимъ слылъ въ городкѣ всевѣдущимъ. Онъ имѣлъ свѣдѣнія по коммерческой и врачебной части, умѣлъ заговаривать отъ дурного глаза, любилъ говорить обо всемъ, что на свѣтѣ дѣлается, и въ особенности о политикѣ. Если двѣ державы начинаютъ воевать, Рувимъ напередъ угадываетъ, какая держава побѣдитъ. По субботамъ въ сумерки, между молитвами «минха»⁵ и «мааривъ»⁶, вокругъ него собирался кружокъ обывателей, жаждавшихъ знать, что творится на свѣтѣ. Больше не отъ кого было знать, потому что въ то время въ нашемъ мѣстечкѣ газетъ не было, а получали только помѣщики и администраторы; да если бы и нашелся какой-нибудь богатый и выписалъ бы газету, то некому было бы читать, ибо среди евреевъ не было ни одного, который умѣлъ бы читать на иноплеменномъ языкѣ.

Откуда Рувимъ Козакъ зналъ всѣ новости - это составляло его тайну. Рассказывалъ онъ скороговоркой, учащенно размахивая руками, точно ударяя палочками по барабану. Если изъ слушателей кто-либо выражалъ сомнѣніе въ

---

¹ Авторъ этихъ записокъ - семидесятилѣтній фельдшеръ изъ бывшихъ кантонистовъ. Родился въ мѣстечкѣ Волковышки (нынѣ уѣздный городъ Сувалкской губерніи), взятъ въ кантонисты въ 1854 г., за два года до упраздненія института кантонистовъ, и прослужилъ 25 лѣтъ въ по старому рекрутскому уставу. Мы охотно отводимъ мѣсто въ "Еврейской Старинѣ" этому безхитроственному разсказу, раскрывающему фонъ тогдашняго быта, стараясь по возможности сохранить оригинальный стиль автора, писавшаго на русскомъ языкѣ. -Ред

² Цадик - по-еврейски праведник, человек, ведущій праведную жизнь, т.е. не просто тот, кто воздерживается отъ злодеяній и проступковъ нравственнаго характера, - этого недостаточно, но тот, кто постоянно стремится къ справедливости и совершению благихъ поступковъ. Цадикъ выполняетъ все заповѣди Всевышняго какъ по отношенію къ людямъ, такъ и по отношенію къ Творцу.

³ Религиозный наставник, учитель в хедере и караимскомъ мидраше

⁴ Хедеромъ называлась еврейская религиозная начальная школа. На иврите «хедеръ» означаетъ «комната» - подходящее название, такъ какъ школы обычно и состояли изъ одной комнаты. Впервые это названіе появилось въ Германіи гдѣ-то въ XIII в. и обозначало место, гдѣ еврейскій ребенокъ приобреталъ основы знаній, - помещеніе в синагоге или частномъ домѣ. Позднее хедеры, уже в качестве школы, прочно укоренились во всехъ ашкеназскихъ еврейскихъ общинахъ.

⁵ полуденное богослуженіе в иудаизме

⁶ вечернее богослуженіе в иудаизме

вѣрности его разказа, онъ приходилъ въ ярость и готовъ былъ наброситься на того съ кулаками, если бы не боялся въ субботній день порвать что либо въ одеждѣ врага. Однажды Рувима спросили, скоро ли Мошіахъ придетъ? И онъ сказалъ: «Придетъ время, когда Эдоймъ будетъ воевать съ Ишмоэлемъ (христіанскія государства съ Турціей), и Эдоймъ побѣдитъ; тогда Эдоймъ скажетъ евреямъ: «а ну-ка, еврейчики, соберитесь изъ всѣхъ странъ и возьмите силой! Теперь самое время: Ишмоэль ослабѣлъ, и вы можете отбить свою Палестину однимъ приступомъ». Ахъ, воскликнулъ Рувимъ, если бы я дожилъ до этого времени, я бы первый кинулся на приступъ храбро, какъ - казакъ!... Слушатели, посмотрѣвъ на тщедушную фигуру меламеда, расхохотались, и съ тѣхъ поръ его иначе не звали, какъ «Рувимъ деръ Козакъ».

Лучше Рувима Козака никто не могъ подготовить малышей для поступленія въ хедеръ высшаго разряда. Малыши его боялись, такъ какъ шли слухи, что Рувимъ Козакъ за пейсы и за уши больно деретъ и «циплинкой» (родъ нагаечки съ нѣсколькими узенькими ремешками) сѣчетъ. Эти слухи были отчасти вѣрны, но за то учениковъ, прошедшихъ курсъ у Рувима, всѣ мелаеды высшаго курса принимали безъ экзамена. Мой отецъ былъ мелаедъ - талмудистъ и никогда не экзаменовалъ ученика Рувима, а прямо сажалъ на скамейку перваго разряда.

Хедеръ Рувима считался въ мѣстечкѣ образцовымъ, какъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи, такъ и по „гигіенической“ части. Хата у Рувима была собственная, доставшаяся отъ дѣда; она состояла изъ одной комнаты въ 9 аршинъ длины и 8 аршинъ ширины; къ ней примыкали досчатыя сѣнцы. Главнымъ украшеніемъ хедера служила висѣвшая на восточной стѣнѣ большая картина, на которой были изображены семисвѣчникъ съ фигурами звѣрей, пара скрижалей съ Моисеевыми заповѣдями и короною на верху, двѣ распростертыя для благословенія руки кагановъ и т. п. Эту картину нарисовалъ самъ Рувимъ, и весь городокъ бѣгалъ смотрѣть на это удивительное художество. На правой сторонѣ хедера, въ углу, стояла за занавѣсами кровать, застланная ситцевымъ одѣяломъ, сшитымъ изъ лоскутьевъ разнаго цвѣта. Въ головахъ на одѣялѣ лежалъ цѣлый бугоръ пуховыхъ подушекъ. Наволочки и одѣяло стирались только разъ въ годъ - къ Пасхѣ. Въ серединѣ класса стоялъ длинный учебный столъ, а вдоль него съ обѣихъ сторонъ - скамейки. У восточнаго конца стола стояло дубовое кресло, на которомъ во время учебныхъ занятій сидѣлъ самъ ребе. На простѣнкѣ между двумя окнами висѣла «циплинка», предназначенная для шалуновъ. Если кто зашумитъ, ребе указательнымъ пальцемъ покажетъ на циплинку - и шалунъ остается тихъ и недвижимъ.

Во всемъ прочемъ наблюденіе за порядкомъ въ домѣ лежало на обязанности Рувимовой жены, Хавы. Это была женщина набожная, тихая, добрая. Ко всѣмъ ученикамъ она относилась одинаково, не отличая мальчика богатыхъ родителей передъ бѣднымъ. Всѣхъ насъ она называла ласкательно: Береле, Шлеймеле, Янкеле, Ицеле, Шмулиньке и т. д. Хава строго наблюдала, чтобы никто не кушалъ, не умывъ рукъ; для этого у нея около двери была наглухо прибита маленькая полочка, на которой стояла мѣдная кружка съ водой и тутъ же висѣлъ «рушникъ» который она мѣняла три раза въ году, передъ большими праздниками. Бывало, начнетъ Хава шалуна ласковыми словами увѣщевать, и доведетъ его до слезъ: мальчикъ искренно кается и говоритъ: «ребецн⁷, больше не буду».

---

⁷ В среде ашкеназских евреев раввина называют ребе, жену раввина - «ребецн» или «ребецин»;

Бывало, если ребе разсердится на кого и захочет выпороть, Хава схватить «осужденнаго» заслонить его собой и держать его до тѣхъ поръ, пока у ребе отойдетъ сердце, и такъ она часто многихъ избавляла отъ наказанія. За это ее по всему мѣстечку любили и къ годовымъ праздникамъ подарки черезъ учениковъ присылали. Мануфактуристы, бывало, присылають отъ остатковъ проданнаго товара - кто на юбку, кто на кофту; бакалейщики шлють муки на «хале»⁸, мясники - кишки, печенки, требухи; словомъ, наша добрая Хава въ годовые праздники всѣмъ обеспечена - одѣта, обута и сыта, да и еще къ праздничному столу приглашаетъ ешиботника, котораго досыта накормить.

Итакъ, на шестомъ году моей жизни родители мои рѣшили отдать меня въ хедеръ Рувима. Такъ какъ первый разъ вести въ хедеръ неловко въ старой засаленной капоткѣ, позвали портного и заказали новую. Когда портной снималъ мѣрку, мать просила, чтобы онъ сшилъ подлиннѣе и пошире, на будущій мой ростъ; кромѣ того евреи въ то время не носили короткой одежды, и если кто осмѣливался сшить вершка на два, на три выше пятокъ, то его дразнили «нѣмцемъ» («дайчль»).

Въ назначенный день портной принесъ мнѣ этотъ костюмъ, а мать похвалила работу, что сшито длинно, до пятокъ. Я, какъ теперь помню, былъ похожъ на чучело въ огородѣ. Мать подпоясала меня широкимъ темносинимъ поясомъ, напялила мнѣ на голову новую ермолочку, надвинувъ на затылокъ, нахлобучила сверхъ ермолки пестрый картузикъ такъ низко, что края околышка оттопыривали уши. Мои длинные пейсы мать немножко смазала гусинымъ жиромъ для того, чтобы волосъ къ волосу лежалъ; нижніе концы пейсъ мать большимъ и указательнымъ пальцами повернула къ щекамъ, такъ что пейсы были похожи на опрокинутый вопросительный знакъ. Кончивъ нарядъ, мать отступила на шагъ назадъ и стала любоваться на мою красоту; но тутъ какъ на грѣхъ зачѣмъ-то зашла сосѣдка, и мать поспѣшно заслонила меня, чтобы та меня не сглазила. Догадливая сосѣдка, замѣтивъ это, сказала; «Мере, я вамъ совѣтую привязать ему на ручки красныя ленточки, тогда онъ никакого глаза не побоится». Мать такъ и сдѣлала.

До послѣдней минуты я не зналъ, что меня поведутъ къ грозному меламеду Рувиму Козаку, а какъ сказали - я горько заплакалъ. Слезы ручьемъ текли изъ глазъ, я сталъ вытирать ихъ кулаками, рукавами зацѣпляя пейсы. Мать, отнимая кулаки отъ глазъ, стала ласково уговаривать, утѣшать, а я всхлипывая говорилъ: боюсь Козака - онъ за уши дереть, циплинкой пореть... «Не бойся, глупенькій, - сказалъ отецъ, - онъ сѣчетъ только непослушныхъ, шалуновъ, а ты у насъ смиренный, онъ тебя пороть не будетъ и за уши драть не станетъ. А ты знай, сыночекъ, что его хедеръ святой! По понедѣльникамъ и четвергамъ ангелы прилетаютъ и хорошимъ мальчикамъ золотые пряники кидаютъ, а такъ какъ сегодня четвергъ, ты ихъ получишь»...

«Пойдемъ, сыночекъ, поскорѣй, а то улетятъ» - сказала мать. Услыхавъ про ангеловъ и золотые пряники, я ободрился и пересталъ хныкать. Мать фартукомъ вытерла мнѣ лицо, подправила пейсы, и мы пошли. Выходя, родители поцѣловали «мезузу»⁹ и меня приподняли, чтобы я послѣдовалъ ихъ примѣру. Дорогой я шель

⁸ Хала - у этого слова есть 2 значения. Наиболее распространенное - так называют традиционный еврейский плетеный хлеб, который выпекают для субботних или праздничных трапез. Обычно еврейские хозяйки готовили хлеб - халу из сдобной пшеничной муки, в последнее время стали популярны также халы из ржаной, «цельной» муки и т.д. Однако, изначально словом «хала» называется часть (кусочек) теста, которую заповедано отделять в качестве возношения («тумы») Всевышнему. Во времена Храма отделенная от теста хала передавалась священникам - кознам.

⁹ прикрепляемый к внешнему косяку двери в еврейском доме свиток пергамента духустуса из кожи ритуально чистого (кошерного) животного, содержащий часть текста молитвы.

по срединѣ между отцомъ и матерью, которые нѣжно держали меня за руки: я шель быстро, желая скорѣе увидѣть ангеловъ съ золотыми пряниками. Зайдя въ хедерь, родители поздоровались съ Рувимомъ и Хавой, а я какъ-то смущенно спустиль голову и смотрѣль въ полъ. Рувимъ, подойдя ко мнѣ, подсунулъ мнѣ пальцы подъ подбородокъ, тихо приподнялъ голову и сказалъ: «Не смущайся, Хаимка. Ты, я вижу, хорошій мальчикъ». Тѣмъ временемъ Хава, осмотрѣвъ мой нарядъ, замѣтила: «Ахъ, какъ на немъ капоткеле сидить, точно вылило! И какъ это вы сумѣли подобрать къ его свѣтлomu личику такой красивый картузикъ! Ахъ, чтобъ не сглазить!» Хава повернула голову въ сторону и три раза плюнула; не довольствуясь этимъ, она поцѣловала меня въ губы и тоже три раза плюнула; отойдя, она вполголоса сказала: да хранить тебя добрый ангель!

Рувимъ, посадивъ меня на скамейку возлѣ учебнаго стола и положивъ предо мною большой букварь, сталъ съ отцомъ договариваться на счетъ платы за ученіе. Мать съ Хавой сѣли въ уголь и разговаривали объ удачно спеченной хале, фаршированныхъ рыбахъ и вкусныхъ цимесахъ. «Знаете, ребъ Іосифъ, что я вамъ скажу, - говорилъ Рувимъ моему отцу, - вѣдь мы съ вами коллеги, и я съ васъ возьму дешевле противъ другихъ. У всѣхъ беру 20 злотыхъ за «зманъ» (полугодіе), а съ васъ 15 злотыхъ» (польскій злотъ въ то время былъ 15 копѣекъ на русскія деньги)... Отець не сталъ торговаться и согласился, а я во время договора сидѣль, покачивая ногами, и все ждалъ ангеловъ съ пряниками.

Ребе сѣлъ въ свое кресло, взялъ указку, и ткнувъ въ первую букву, сказалъ: «Начинай!... скажи алефъ»... Я, къ его удивленію, началъ звонко отчеканивать букву за буквой, а мать съ отцомъ стояли у меня за спиной. Лишь только успѣль выговорить послѣднюю букву «тофъ», какъ вдругъ большой пряникъ свалился прямо на букварь. Увидя это, я слегка вздрогнулъ: «Ребе, позвольте мнѣ еще разъ прочесть»; на эту просьбу всѣ засмѣялись. Я другую строчку весело отчеканилъ, и опять свалился пряникъ въ видѣ пѣтуха; я быстро поднялъ голову, чтобы увидѣть, какъ ангель бросаетъ пряники, но къ сожалѣнію ничего не увидѣль. Кончивъ урокъ, Рувимъ замѣтилъ родителямъ, что вѣроятно я былъ уже ими подготовленъ. «Да, ребъ Рувимъ, это я подготовила его»-сказала мать. «Я предвижу, сказалъ меламедъ, что изъ вашего мальчика выйдетъ великій раввинъ; это доказываетъ широкій лобъ его». - «Дай Богъ изъ вашихъ усть, да прямо Богу въ уши»-отвѣтила растроганная мать.

Мать съ Хавой сдѣлали складчину, принесли на 10 грошей водки, кусокъ тарту, селедку съ пеклеваннѣмъ хлѣбомъ - и пошелъ пиръ на весь міръ. Сдѣлали «лехаимъ», пожелали другъ другу успѣха, чтобъ обоимъ меламедамъ Богъ послалъ учениковъ богатыхъ родителей, хорошихъ плательщиковъ, и всѣ воскликнули: «омейнъ» (аминь)!

Съ этого дня отецъ съ Рувимомъ сдѣлались большими друзьями. Хотя у нихъ была одна профессія, они конкурировать другъ съ другомъ не могли, потому что отецъ мой былъ меламедъ - талмудистъ, а Рувимъ - меламедъ «подготовительный». Такъ же мать моя съ Хавой искренно подружились; горе и бѣдность дѣлили пополамъ. Мать моя была мастерица чулки штопать, а у Хавы была дойная коза, и вотъ онѣ безобидно мѣнялись этими товарами. Хава, благодаря дружбѣ съ матерью, любила меня какъ родного сына. Бывало, какъ замѣтитъ, что я ничего съѣстного не принесъ въ хедерь, она отдѣлитъ отъ своего скуднаго завтрака и насильно заставитъ меня кушать.

Рувимъ также ласково обращался со мной. И такъ я къ Рувиму ходилъ два «зманимъ», т. е. годъ, и успѣшно кончилъ курсъ начальнаго хедера. Отецъ мой, по бѣдности своей, не могъ меня отдать къ меламеду высшаго курса, и помѣстилъ меня въ своемъ хедерѣ. У отца я неохотно учился, потому что по буднямъ я постоянно ѣлъ впроголодь и только по субботамъ ѣлъ досыта. Бывало, въ будни всѣ ученики, приходя въ хедеръ, приносятъ - кто ломтики хлѣба съ гусиннымъ саломъ, или коровымъ масломъ, кто творогу съ ситникомъ, бутылочку съ молокомъ, кусокъ селедки, складывая все это на особую полочку въ углу у двери. Я, бывало, смотрю на эту роскошь и слюнки глотаю. Кончаютъ уроки, выносятъ въ сѣнцы каждый свою провизию и начинаютъ справлять трапезу, а я поспѣшно ухожу и прячусь на чердакъ; сижу въ темномъ углу и ропщу на отца: зачѣмъ онъ сдѣлался меламедомъ, - лучше былъ бы онъ торговцемъ или ремесленникомъ, тогда и я могъ бы участвовать въ общей товарищеской трапезѣ...

Было это въ тѣ годы, когда въ краѣ по случаю неурожая все вздорожало. Но позже положеніе стало лучше. Съѣстные припасы стали дешевѣть. Родители учениковъ стали аккуратно платить отцу за ученіе. Не приходилось мнѣ уже завидовать товарищамъ, приносящимъ въ хедеръ провизию, а если вздумаютъ справлять трапезу, моя мать выносить порцію и на мою долю. Учиться я сталъ успѣшнѣе, хотя отецъ за мной меньше смотрѣлъ, чѣмъ за другими учениками. Такъ шли мѣсяць за мѣсяцемъ, годъ за годомъ, пока мнѣ минуло 11 лѣтъ.

11-я годовщина моего рожденія какъ разъ выпала въ пятницу. Отецъ съ матерью рѣшили въ субботу въ бейсгамедрашѣ «купить» для меня «мафтиръ» (право публичнаго чтенія главы изъ пророковъ). Отецъ предварительно проэкзаменовалъ меня и смѣло надѣялся, что я родителей не осрамлю. Мать спекла большой тортъ и медовый пряникъ – «лекахъ». Я съ отцомъ пошли въ баню. Придя изъ бани, отецъ послалъ за водкой и далъ мнѣ денегъ двадцать грошей больше противъ другихъ субботъ, потому что думали пригласить друзей на «кибудъ», какъ напримѣръ Рувима съ Хавой и еще кой кого. Я радостно побѣжалъ. Дорогой думаю: ахъ, какая у насъ будетъ веселая суббота! будетъ весело смотрѣть, какъ отецъ съ Рувимомъ сидятъ рядомъ и дѣлаютъ «лехаимъ», какъ моя милая мама будетъ сидѣть рядомъ съ доброй Хавой; отецъ нальетъ и мнѣ маленькую рюмочку, а мама мнѣ дастъ большущій кусокъ тарту-«лекахъ»; я сотворю установленную молитву, немножко отопью и всѣмъ крикну «лехаимъ!», потомъ буду тортъ мочать въ водку, а какъ все вымочу, мнѣ станетъ весело на душѣ, и я запою ... ахъ какъ весело будетъ! Это я все думалъ дорогой, и сердце радовалось.

Лишь только я повернулъ на Варшавскую улицу, я увидѣлъ тамъ большую фуру съ «будой», запряженную парой лошадей. Въ фурѣ сидѣли два еврея среднихъ лѣтъ, а на козлахъ сидѣлъ молодой литовець. Одинъ еврей подозвалъ меня и спросилъ, гдѣ такой то шинкаръ живетъ?

- Вонъ на самомъ концѣ этой улицы, - отвѣчаю, - я иду туда за водкой.

- «Садись съ нами, полѣзай, мы тебя подвеземъ». Лишь только я усѣлся, они кучеру по литовски что-то сказали, тотъ ударилъ по лошадамъ, и лошади понесли вихремъ. Поровнявшись съ шинкомъ, я сказалъ, чтобы они велѣли кучеру остановиться, но не тутъ то было; кучеръ завезъ въ чашу лѣса. Солнце клонилось уже къ закату, стало смеркаться. Кучеръ остановился, евреи вылѣзли и стали совершать молитву «минхе». Я тутъ и догадался, что это хаперы - ловцы рекрутовъ.

Я сталъ кричать, плакать. Хотѣль было бѣжать, но кучерь меня крѣпко держалъ, пока набожники окончили молитву; затѣмъ они снова сѣли и меня насильно усадили. Кучерь ѣздилъ извилистыми дорогами и завезъ въ какую-то хату. Тамъ уже горѣли на столѣ субботнія свѣчи. Въ одномъ углу, на полу, согнувшись сидѣлъ мальчикъ и громко рыдалъ. Его уговаривали, чтобъ онъ шелъ къ столу Богу помолиться, субботу встрѣчать, а онъ не хотѣлъ. Я сначала думалъ, что это ихъ мальчикъ капризничаетъ, какъ бывають у богатыхъ избалованныя дѣти, но послѣ я понялъ, что это - несчастный птенецъ, пойманный ястребомъ. Меня посадили за столъ, положили «сидуръ», чтобы я читалъ «Леху неранно»; мнѣ тоже плакать хотѣлось, но я вспомнилъ, что отецъ говорилъ, что въ субботу плакать грѣхъ. Я началъ читать по-домашнему, отчетливо, съ обычнымъ субботнимъ напѣвомъ, а какъ дошелъ до «Лехо дойди» - возвысилъ голосъ и хотѣлъ на манеръ кантора пустить трель, но къ сожалѣнію мой короткій голосъ не дозволилъ мнѣ это сдѣлать. Содержатели этой трущобы похвалили меня говоря: а'weiiger Iünger! Сама трущобница даже поцѣловала меня, а я про себя думаю: а чтобъ васъ ангель смерти цѣловаль! Хаперы, маршируя взадъ и впередъ, читали нараспѣвъ субботнія молитвы и всенощную «мааривъ», становились къ восточной стѣнѣ, раскачиваясь направо и налево, какъ заправскіе хасиды.

Кончивъ молитву, сѣли за столъ два хапера съ содержателями трущобы и хотѣли посадить плакавшего мальчика. Одинъ изъ хаперовъ, подойдя къ нему, хотѣлъ его взять на руки и посадить за столъ, но тотъ заупрямился и съ крикомъ вцѣпился ему въ бороду, какъ ракъ. «Брось его, этого шейгеца¹⁰, азесь-понима¹¹! - сказали остальные хаперы; надо позвать, Мачека (кучера), пусть поведетъ его въ лѣсъ, чтобъ его волки сѣли.

И такъ онъ, бѣднякжа, остался не ѣвши. Онъ все порывался бѣжать отъ этихъ коршуновъ и ястребовъ, но его зорко караулили. Я же, какъ строго - религіозно воспитанный, подчинялся всѣмъ субботнимъ обрядамъ и порядкамъ. Столъ былъ накрытъ богато. По срединѣ стола, около горящихъ субботнихъ свѣчей, стоялъ большой пузатый графинъ, наполненный водкой; кругомъ, по количеству сидящихъ, рюмки. Возлѣ каждого ѣдока лежали по одной пухлой булкѣ («хале»), а передъ хозяиномъ - двѣ булки, покрытыя бѣлоснѣжной салфеткой. Хозяинъ, наливъ бокаль, стоя сдѣлалъ «кидушъ»¹² и выпилъ; всѣ послѣдовали его примѣру; мнѣ также поставили маленькую рюмочку, и я, звонко отчеканивъ «кидушъ», залпомъ опорожнилъ ее.

Сдѣлали омываніе рукъ и принялись рѣзать булки на «амойца». Тѣмъ временемъ, хозяйка подала каждому на плоской тарелкѣ по большой порціи фаршированной рыбы. Поѣвъ рыбу, опять прополоскали ротъ водкою, но я отказался пить, потому что отъ одной рюмки у меня уже зашумѣло въ головѣ. Подали горячую лапшу, потомъ по куску жареной гусятины, а въ заключеніе сливочный компотъ; словомъ, такой трапезы, я у своихъ родителей никогда не видалъ. Кончивъ ужинъ, хозяинъ предложилъ заняться пѣніемъ «змиорсь», но почтенные хаперы отказались, потому что они были утомлены отъ поѣздки и трудовъ по ловлѣ; но отъ «беншенъ» отказаться было нельзя, и хозяинъ предложилъ честь одному хаперу - когану, чтобы онъ началъ благословлять Бога за

---

¹⁰ грубиян, хам; ловкий плут

¹¹ бесстыдника

¹² еврейскій обряд освященія, благодарственная бенедикція за освященные и дарованные Богомъ Израилю дни субботы и праздниковъ; также обряд чтенія этой бенедикціи, которымъ провозглашается святость этихъ дней, производимый надъ бокаломъ вина. Совершается передъ вечерними и утренними трапезами Шабата и праздниковъ.

пищу. Коганъ плеснулъ водой концы пальцевъ и произнесъ: «Почтенные! будемъ благословлять!». И всѣ единогласно отвѣтили тѣмъ же возгласомъ, потомъ поспѣшно забормотали, потому что всѣмъ хотѣлось спать.

Послѣ ужина, насъ, двухъ пойманныхъ арестантиковъ, помѣстили въ одну комнатку съ однимъ окномъ, а дверь снаружи заперли на задвижку. Въ комнаткѣ было темно. Мальчикъ не переставалъ плакать.

- Глупенькій, перестань плакать! - сказалъ я ему, - вѣдь суббота зашла, а въ субботу плакать - грѣхъ.

- «Да тебѣ суббота - хныкая, сердито сказалъ онъ, - ты тамъ съ этими разбойниками нажрался, какъ свинья, вотъ тебѣ и не плачется, а я»...

- А кто же тебѣ не велѣлъ кушать? Вѣдь тебя хотѣли взять къ столу, а ты упрявился, да еще залѣзь старому человѣку въ бороду!

- «Ахъ, братикъ, я вижу, что ты глупъ какъ пробка и должно быть - сынъ меламеда. Ты знаешь, для чего насъ поймали и куда насъ погонять? Вѣдь насъ погонять далеко, далеко вглубь Россіи, а тамъ насъ раздадутъ кацапамъ, которые будутъ заставлятъ насъ свинину ѣсть и принуждать креститься... легко ли это подумать?»?

- Да это, положимъ, правда; но развѣ поможемъ своими слезами? И кого испугаешь тѣмъ, что ты не будешь ѣсть? Эхъ, братикъ слезами не поправишь! Нѣтъ, пока душа въ тѣлѣ держится, надо ѣсть и пить, а тамъ - что Богъ дастъ. Совѣтую тебѣ: завтра садись за столъ и ѣшь, а плакать еще успѣемъ, если Богъ насъ не помилуетъ.

Рано утромъ Мачекъ открылъ ставни, отворилъ дверь, подаль намъ умыться, а хозяйка принесла молитвенникъ; но прежде чѣмъ начать молиться, я своего товарища по несчастію убѣдилъ, чтобы онъ не плакалъ. Мы стали усердно молиться; наши «доброжелатели», накинувъ на себя талесы, также стали молиться. Помолвившись, сѣли обѣдать...

Мы, арестантики, сѣли рядомъ. Хозяинъ намъ поставилъ по маленькой рюмочкѣ и спросилъ у моего товарища: мальчикъ, какъ тебя звать?

- Янкель.

- А по фамиліи?

- Клезмеръ¹³.

- О! твоя фамилія веселая, а ты плачешь - иронически сказалъ хозяинъ. Я повчерашнему выпилъ рюмку водки, а Янкель не сталъ пить, сколько его хозяинъ и хаперы ни уговаривали. А я ему говорю: ты дома субботнія пѣсни пѣлъ?

- Пѣлъ.

- А вѣдь тамъ сказано: «Богъ сказалъ Якову: не робѣй, рабъ мой Яковъ!»! Ну и мы съ тобой должны надѣяться. Куда насъ ни сошлютъ, всюду есть Богъ; а еще можетъ случиться, что мы встрѣтимся съ дѣтьми тѣхъ родителей, которые хотятъ насъ передать въ иновѣрческія руки или инымъ путемъ погубить, потому что слезы

---

¹³ Традиционная народная музыка восточноевропейских евреев и особенный стиль её исполнения.

нашихъ родителейъ падуть на ихъ головы. И еще я слыхаль отъ старшихъ людей, что платится «мѣра за мѣру»...

Яковъ меня послушалъ, взялъ рюмку, сотворилъ молитву, немножко отпилъ, сказалъ «лехаимъ». Хаперы отъ угрызенія совѣсти отошли отъ стола; они попросили хозяйку, чтобы она насъ раньше накормила, а сами съ хозяиномъ послѣ насъ пообѣдаютъ. «Ахъ, - говорили они, - хоть бы поскорѣе ихъ сдать, этихъ мамзейримъ! они намъ въ печенку вѣлись, въ особенности этотъ Хаимке съ своими колкими словами». Хозяйка такъ и сдѣлала; она насъ накормила субботними блюдами, и кугелемъ¹⁴ въ томъ числѣ. Послѣ обѣда, намъ хотѣлось по лѣсу пройти, не безъ тайной мысли, что тамъ попадетъ тропинка и можно будетъ удрать отъ ловцовъ, но и тѣ были себѣ на умѣ: у нихъ уже были случаи, когда жертвы ускользали изъ ихъ цѣпкихъ рукъ.

Хозяйка подъ разными предлогами завела насъ въ комнату и сказала: дѣтки, до вечерней трапезы читайте «пейрекъ», псалтирь, просите у Бога, чтобы онъ далъ намъ добрую недѣлю и добраго здоровья. Сказавъ это, она вышла и притворила дверь на задвижку. Янкель поминутно глубоко вздыхалъ, крупныя слезы катились по его пухленькимъ блѣднымъ щекамъ, и онъ все приговаривалъ: ахъ, что тамъ творится съ моими бѣдными родителями! они тамъ, вѣроятно, убиваются, плачутъ, не зная, куда я исчезъ... Я гляжу на него, у меня сердце щемитъ и хочется плакать, но ради святой субботы крѣплюсь и утѣшаю его: не робѣй, Яковъ!..

Солнце стало приближаться къ закату. Мы совершили вечернюю молитву. Хозяйка насъ выпустила изъ подъ ареста и накормила, но подъ арестъ уже не повела, потому что хаперы сновали взадъ и впередъ и, кромѣ того, до отправки наняли двухъ сторожей изъ отставныхъ солдатъ.

Стемнѣло, звѣзды стали показываться по небу. Хаперы приказали Мачеку приготовиться къ отъѣзду, а сами съ хозяиномъ стали совершать молитву «мааривъ», и мы тоже. Хозяйка заунывнымъ голосомъ пропѣла жаргонную молитву, затѣмъ зажгли плетенную восковую свѣчу. Хозяинъ сдѣлалъ «гавдоло», и хаперы послѣдовали за нимъ. Предложили и намъ по маленькой рюмочкѣ; но я отказался; теперь не до веселья: наступили будни и можно плакать. Я позвалъ Якова въ нашу «арестантскую». Зайдя, я сталъ читать псаломъ: «Боже, когда тягостно мнѣ, къ тебѣ взываю»-и разрыдался... Ахъ, бѣдные мои родители! Какъ это они эту субботу провели безъ меня!.. Думали вы идти въ синагогу, слушать и радоваться, какъ я нараспѣвъ буду читать «мафтирь». А меня враги, разбойники подхватили, точно какъ коршуны, или какъ ястребы подхватываютъ цыпленка отъ насѣдки»!..

Причитывали мы оба, я и товарищъ, и такой вопль подняли, что если бы это случилось въ городѣ, мнѣ кажется, что народъ рознялъ бы эту трущобу по бревнамъ и спасли бы насъ. Прибѣгли два свирѣпыхъ сторожа и стали насъ разнимать, кричать и кулаки показывать, но мы ихняго языка не понимали. Прибѣгъ Мачекъ, схватилъ меня на руки, а Янкеля схватилъ одинъ изъ сторожей, и понесли насъ на фуру. Съли и наши благодѣтели - и гайда.

Дорогой они насъ утѣшали, что они тамъ похлопочуть, чтобы насъ отпустили домой. Мы плакать перестали и заснули. Проснулись мы, когда возъ остановился возлѣ высокаго каменнаго дома, вокругъ котораго медленно шагаль взадъ и впередъ солдатъ съ ружьемъ. Хаперы взяли насъ изъ фуры, поставили на землю,

¹⁴ Традиционное блюдо еврейской кухни, напоминающее запеканку или пудинг.

страхнули наши капотки, вынули изъ кармана свои грязные платочки, вытерли намъ глаза, крѣпко потеряли наши блѣдныя щечки до красна и повели насъ по лѣстницѣ на второй этажъ. Взойдя, наши попечители моментально сняли шапки съ ермолками, и мы тоже сняли картузики. Тамъ насъ не раздѣвали и не мѣрили, а только записали. Одинъ панъ у крайняго стола кивнулъ нашимъ «попечителямъ», чтобы подвели насъ ближе къ столу. Панъ у меня спросилъ: какъ твое имя и фамилія? Я обратился къ «попечителю» и спрашиваю: что панъ спрашиваетъ? Онъ перевелъ. Я повернулся къ пану и сказалъ: Хаимъ Меримзонъ. Панъ посмотрѣлъ въ бумагу и крикнулъ: тебя зовутъ Мейеръ, а не Хаимъ! Смотри же, называйся Мейеръ!

Я тутъ догадался, что меня отдали за богатаго однофамильца - шинкаря, - А тебя какъ зовутъ? обратился онъ къ Клезмеру.

- Янкель Клезмеръ.

- Врешь! - тебя зовутъ Ицикъ Гринблатъ. Записавъ, онъ послалъ за конвойными, чтобы насъ отправить въ тюрьму (въ то время всѣхъ рекрутовъ, какъ взрослыхъ, такъ и малолѣтнихъ, держали въ острогѣ до отправки по частямъ войскъ). До прибытія конвойныхъ, панъ приказалъ отрѣзать у насъ пейсы. Прибыли конвойные съ ружьями. Панъ съ сдатчиками порукался и отпустилъ ихъ. Сдатчики, уходя, сказали: прощайте, дѣтки! не робѣйте! васъ надняхъ выпустятъ!

— «Дай вамъ Богъ, чтобы вы такъ видались съ своими семействами, разбойники! чтобы васъ громъ поразилъ съ вашими семействами! чтобы всѣ хворобы, какія только есть на свѣтѣ, забрались въ ваши утробы, сердца и головы!»...

Сдатчики, услышавъ отъ меня эти пожеланія, три раза плюнули, поспѣшно спустились по лѣстницѣ и исчезли.

Глава II.

Въ рекрутской тюрьмѣ, Отецъ не допущенъ къ свиданію со мною. По дорогѣ въ Кіевъ. Гаданія о будущемъ, -Въ Кіевскомъ баталіонѣ военныхъ кантонистовъ (1855). Муки отъ незнанія русскаго языка. Въ Черниговской губерніи, на квартирѣ у старовѣровъ, Призывъ къ крещенію; трепная пища. Ученіе: „Отче нашъ“, „словесность" и побои. Моя храбрая самооборона. Отъ злой хозяйки къ доброй. Письмо отъ отца и рубль на веревку. Расформированіе баталіоновъ военныхъ кантонистовъ. Переходъ въ Аракчевскую команду въ Москвѣ.

Конвойные, ведя насъ въ рекрутскую тюрьму, всячески надъ нами издѣвались, кривлялись, приговаривая: «чуешь, чуешь? - наши жидки не дурачки, одни пѣши, другіе рачки! шабесь гуть! жидъ свиное ухо съѣлъ!» При этомъ они часто насъ подталкивали, чтобы мы пошибче шли. Наконецъ, привели насъ въ тюрьму.

Здѣсь нѣсколько камеръ, отдѣльно отъ арестантовъ, были отведены для рекрутъ. Въ каждой камерѣ съ обѣихъ сторонъ длинныя нары, устроенныя на три четверти аршина отъ пола. На нарахъ лежали грязные тюфяки изъ грубаго холста, набитые соломой. На всѣхъ тюфякахъ спали взрослые рекруты, а мы, малолѣтніе, должны были помѣститься подъ нарами, какъ крысы, и лежать безъ всякой подстилки. Лежать нужно было на вытяжку, внизъ лицомъ; голову поднимать нельзя - низко, а спать къ верху лицомъ тоже нельзя было, потому что изъ ветхихъ тюфяковъ сыпались пыль и куски соломы. Такъ мы провели три недѣли, пока взрослыхъ обмундировали и отправили куда слѣдуетъ. Когда взрослые ушли, мы радостно -взобрались на тюфяки и считали себя счастливыми.

До отправки, насъ не принуждали кушать трэфного, а поручили кормить насъ подрядчику - еврею, который ежедневно привозилъ котелокъ (смотря по количеству рекрутъ) гороховой или фасольной бурды, а иногда картофельнаго супа съ ячной крупой. У каждаго ѣдока былъ свой горшечекъ съ деревянной кошерной ложкой. У подрядчика былъ красномѣдный черпакъ, и онъ каждому наливалъ по полному черпаку. Посуда наша, т. е. горшечекъ съ ложкой, мылась разъ въ двѣ недѣли, когда насъ водили въ баню. Хлѣба полагалось солдату три фунта, а такъ какъ мы малолѣтніе, то давали по два фунта. Мяса выдавали сколько можно забрать одинъ разъ въ ротъ. «Хале» къ субботамъ, бывало, жертвователи приносятъ подрядчику, а онъ раздаетъ намъ равными долями, безъ обиды. На свои деньги никто не могъ ничего покупать, потому что торговцевъ близко не подпускали, точно какъ къ зачумленнымъ.

Отецъ мой, узнавъ, что я нахожусь въ этомъ «хедерѣ», пріѣхалъ и хотѣлъ со мной повидаться. Такъ какъ онъ былъ меламедъ и не зналъ военныхъ порядковъ, то шель себѣ свободно къ воротамъ тюрьмы, точно къ бейсгамедрашу. Увидя подошедшаго близко „жида“, часовой ударилъ его прикладомъ; отецъ упалъ и долго лежалъ безъ чувствъ. Прибѣжали евреи, привели его въ чувство и отвезли въ еврейскую больницу. Я эту трагедію узналъ позже, въ день отправки. Намъ уже не долго оставалось блаженствовать въ тюрьмѣ: всего мы въ ней пробыли шесть недѣль.

Во время шестинедѣльнаго тюремнаго отдыха насъ, лилипутныхъ воиновъ, обмундировали и назначили къ отправкѣ въ Кіевскіе баталіоны военныхъ кантонистовъ. Такъ какъ мы, малолѣтніе, не могли пройти пѣшкомъ такую даль, а желѣзныхъ дорогъ въ то время не было, то было распоряженіе отъ военнаго начальства, чтобы насъ отправили на наемныхъ подводахъ. И вотъ этотъ подрядъ взялъ еврей - извозчикъ («бала- гола»). У него были «брички» - большія высокія телѣги, на которыхъ возили изъ фабрикъ и заводовъ разные товары и грузы; на эти телѣги насъ посадили, по 16 человекъ въ каждой; мы сидѣли какъ сельди въ бочкѣ. Я все старался сидѣть рядомъ съ товарищемъ, наименованнымъ Гринблатомъ; у насъ съ нимъ была такая дружба, что трудно описать: каждыиъ кусочкомъ мы дѣлились пополамъ и даже молитвы и псалмы читали вмѣстѣ.

Едучи, мы разговорились о томъ, что насъ ждетъ въ будущемъ.

- Я слыхалъ - говорилъ Гринблатъ, - что тамъ, куда насъ гонятъ, принуждаютъ креститься; если кто заупрямится - мучаютъ, пытаются, а если кто согласится, то до 18-20-лѣтняго возраста учатъ военной наукѣ и затѣмъ производятъ въ офицеры...

- Нѣтъ, я этого не сдѣлаю. Чтобъ они не дожили, чтобъ я промѣнялъ свою святую вѣру на офицерство!.. Нѣтъ, я дамъ свое тѣло рѣзать на части... Пусть они меня убьютъ насмерть! Я за «кидушъ гашемъ» (мученичество во имя Бога) попаду въ ганейденъ (рай), - а ты какъ думаешь?

-Я тоже такого мнѣнія, но боюсь, что пристанетъ духъ - искушитель и захочется быть паномъ, носить «шлифесъ» (эполеты), командовать солдатами, а по вечерамъ ходить въ театръ.

- А родители что скажутъ? - прервалъ Гринблатъ - вѣдь они будутъ проклинать, будутъ плакать, а родительскія слезы до Бога доходятъ. Хоть офицеръ - да вдругъ помретъ. Перекрещенная душа изъ еврейскаго тѣла вылетитъ и полетитъ на небо, а тамъ страшный ангелъ, «малохъ гадойме», спроситъ: какъ

звать? - Иванъ. - У насъ Ивановъ нѣтъ; ступай къ своимъ Иванамъ. И вотъ перекрещенная душа будетъ летать по бѣлому свѣту, какъ лѣтняя бабочка... Если объ этомъ подумать, не захочешь быть офицеромъ...

Такъ мы всю дорогу нашимъ дѣтскимъ разумомъ рѣшали вопросъ будущаго. Вспоминали мы также домашнюю жизнь, какъ рѣзвились, какъ въ хедерѣ «сеуду»¹⁵ справляли. Въ иной день явится веселая фантазія, и мы, всѣ кантонисты, хо-ромъ запоемъ субботнюю пѣсню, а нѣкоторые передразниваютъ „бадхона“, какъ онъ стихи сочиняетъ на свадьбахъ. Словомъ, мы другъ другу не давали унывать и плакать.

Долго тянулась наша дорога. Мнѣ кажется, что въ настоящее время скорѣе можно доѣхать до южнаго полюса, чѣмъ насъ довезли отъ Сувалокъ до Кіева. Мы сидѣли въ бричкахъ, а за нами шель пѣшкомъ большой отрядъ конвойныхъ, которымъ отданъ былъ строжайшій приказъ зорко смотрѣть за нами, какъ за отъявленными каторжниками. Въ то время пѣшеходамъ полагалось два дня ходить, а на третій - днѣвка. И вотъ на каждой станціи и на днѣвкахъ размѣщали насъ по квартирамъ, въ крестьянскихъ хатахъ, а въ мѣстечкахъ и городахъ, гдѣ находились воинскіе начальники, насъ помѣщали въ казармѣ или въ тюрьмѣ, гдѣ держали насъ пока наберутся еще рекруты или пересыльные арестанты. Такъ съ нами возились три мѣсяца. Во все время похода бани намъ не давали, и благодаря этому къ намъ, безъ вѣдома воинскихъ начальниковъ, прикомандировалась огромная партія паразитовъ, которые расплодились въ нашемъ бѣльѣ и платѣ; днемъ и ночью они покоя намъ не давали. Мы себя порою чувствовали, точно тѣла наши окутаны свѣжей спѣлой крапивой. Когда уже не втерпѣжь стало, мы во время молитвы всѣ навзрыдъ заплакали. Конвойные кинулись къ намъ, какъ дикіе звѣри, вылупивъ свои сѣрые глаза, и закричали: «что вы, проклятые жиденята, разорались?»- и стали насъ угощать площадными ругательствами и угрожать кулаками. Мы отъ страха онѣмѣли, но слезы не послушались свирѣпыхъ окриковъ конвойныхъ и градомъ катились по щекамъ.

Когда мы подъѣзжали къ Кіеву (въ 1855 г.), на сердце напала тоска. Вотъ, думаемъ, судный день приходитъ. У заставы, около шлагбаума, конвойные велѣли остановить лошадей и крикнули: «эй, жиденята, выльзайте!» Мы свои сумочки побрали и выльзли изъ бричекъ. Конвойные выстроили насъ въ шеренги и повели въ городъ. Дорогой я разсматривалъ этотъ большой городъ и конца ему не видалъ, не то, что въ нашемъ мѣстечкѣ, гдѣ съ любого мѣста видишь весь городокъ. Въ Кіевѣ я видѣлъ множество большихъ красивыхъ церквей, съ высочайшими колокольнями, и сравнилъ ихъ съ единственнымъ убогимъ литовско - польскимъ костеликомъ нашего мѣстечка. Сталь я смотрѣть по улицѣ между домами, не увижу ли синагоги, но нѣтъ. Повели насъ черезъ базаръ. Народъ снуетъ взадъ и впередъ, народъ рослый, плечистый, краснощекій; ходятъ бодро, громко разговариваютъ межъ собой на непонятномъ для меня языкѣ, не такъ, какъ въ нашемъ мѣстечкѣ евреи ходятъ худые, тощіе, сгорбленные, разговариваютъ между собой тихо, задыхаясь и прикашливая. Тамъ же на базарѣ, я видѣлъ рядъ торговыхъ - толстыхъ, грудастыхъ, широколицыхъ; передъ ними большія корзины, наполненныя сластями и разными фруктами; онѣ между собой звонко, весело разговариваютъ. Когда мы прошли мимо этихъ торговыхъ, онѣ стали насъ зазывать насмѣшливо: «эй, жидочки, купите у насъ цыбульки, хрѣну на шабашъ!».

---

¹⁵ Праздничная трапеза

Нась подвели къ казармѣ, а тамъ въ этотъ же день были пригнаны такіе же воины изъ польскихъ губерній. Выстроили насъ развернутымъ фронтомъ, въ три шеренги. Конвойные, выравнивъ насъ, учили:

«Вотъ придетъ начальникъ и скажетъ: здравствуйте ребята!-а вы отвѣчайте громко: здравія желаемъ ваше высокоблагородіе!» Въ это время солдаты мимо насъ пронесли нѣсколько пучковъ лозовыхъ розогъ. Какъ увидѣлъ розги, у меня сердце замерло, по тѣлу пробѣжала холодная дрожь, ноги затряслись точно въ лихорадкѣ, глаза помутнѣли. Мы стояли какъ тѣни, и по всему фронту сдѣлалась мертвая тишина. А въ душѣ звучала молитва: «Заступница наша, матушка Рахиль, встань изъ гроба своего, попроси нашего Всемогущаго Бога, который твои слезы приметъ: пусть пошлетъ своего ангела-хранителя защищать насъ отъ всякихъ напастей, пусть дастъ намъ силу і крѣпость, чтобы мы могли остаться при нашей святой вѣрѣ!».

Старшій конвойный, издалека увидѣвъ, что начальникъ ѣдетъ крикнулъ: «смирно! глаза направо! да смотрите, жиденята, отвѣчайте какъ я вамъ сказалъ!» Меня страхъ взялъ. Сталъ я думать, какъ мы будемъ произносить такой многосложный титулъ да на непонятномъ языкѣ? Вѣдь конвойный только одинъ разъ сказалъ... почему онъ насъ дорогой не выучилъ? А теперь развѣ можно съ одного разу выговорить: здравія желаемъ ваше вы-со-ко бла-го-ро-діе? А не отвѣчай правильно, начальникъ прикажетъ пороть - розги принесены. Гамановъ титулъ тоже длинный и, хоть онъ на знакомомъ языкѣ, мы въ хедерѣ тоже не могли сразу выучить - только послѣ долгой учебы запомнили его. Охъ, не обойдется сегодня безъ порки!.. Начальникъ подѣхалъ, остановился противъ середины фронта, посмотрѣлъ на насъ и съ улыбкой крикнулъ: здравствуйте, дѣти! Мы единогласно крикнули, какъ козлята: ме-е-е!.. Потомъ насъ по росту стали разбивать по ротамъ; тутъ же были потребованы фельдфебеля съ ротными писарями. Другъ мой Гринблатъ попалъ въ 4-ю роту, а я въ 5-ю. Послѣ сортировки, начальникъ приказалъ насъ вести въ баню. Ну, думаю, если тутъ насъ не пороли, то тамъ ужъ намъ зададутъ перцу. Однако, и тутъ обошлось: насъ повели въ баню, не для порки, а для парки, для того, чтобы мы избавились отъ надоѣдливыхъ паразитовъ.

Въ нашей кантонистской казармѣ намъ не пришлось долго жить. Туда вмѣсто насъ, кантонистовъ, помѣстили мѣстныхъ артиллеристовъ, а насъ погнали въ Черниговскую губернію. Намъ назначили два уѣзда: Нѣжинскій и Новозыбковскій. Тамъ насъ размѣстили по селамъ и деревнямъ, на частныхъ квартирахъ. Я попалъ въ домъ старовѣра. Въ то время весь Новозыбковскій уѣздъ былъ старовѣрческой. Когда я вошелъ въ домъ, хозяйка меня повела въ темный уголокъ за печкой, гдѣ лежалъ мѣшокъ, набитый соломой, и показала мнѣ рукой: это, моль, твоя спальня. Она что-то стала говорить или спрашивать, а я въ отвѣтъ кивалъ головой въ знакъ того, что не понимаю; она произнесла еще нѣсколько словъ, а я повторилъ киваніемъ, разведя руками. Тогда она злобно плюнула и отошла. Я положилъ свою сумочку въ головахъ моей постели, шинель повѣсилъ въ ногахъ и сдѣлался «полнымъ хозяиномъ».

Спустя нѣсколько минутъ послѣ непонятнаго разговора съ хозяйкой, я почувствовалъ сухость во рту и сильную жажду. Я подошелъ къ ведру, зачерпнулъ ковшомъ воды и хотѣлъ напиться, но не успѣлъ поднести ко рту, какъ хозяйка, кинулась на меня, какъ разъяренная львица, ударила меня по рукѣ и закричала: «антихристъ! сатана поганый! нехристъ!» Я остолбенѣлъ и вопросительно смотрѣлъ на нее. Я хотѣлъ спросить у нея, за что она меня ругаетъ, но не зная русскаго языка,

не могъ съ ней говорить. Не довольствуясь крикомъ и руганью, хозяйка толкнула меня въ грудь, чтобы я отодвинулся отъ ея святаго ведра. Я хотѣлъ было отвѣтить ударомъ, но побоялся, что за это будутъ пороть. Мнѣ хотѣлось узнать, въ чемъ дѣло, вышелъ на улицу и спросилъ у знающаго, старшаго кантониста, и онъ мнѣ разсказаль объ ихъ странныхъ обычаяхъ.

Вечеромъ я легъ, не ѣвши, въ своемъ темномъ углу, въ головахъ положилъ вмѣсто подушки сумочку, шинелью накрылся и лежу, но заснуть долго не могъ, потому что, во первыхъ, желудокъ былъ пустъ, а во вторыхъ - насѣкомыя кусали. Лежу, ворочаюсь и вспоминаю про милую мать, какъ она меня, бывало, укладываетъ спать и пѣсни поетъ. Такъ въ тоскѣ и слезахъ я наконецъ заснулъ.

Утромъ хозяйка смилостивилась: подала мнѣ ломтикъ хлѣба, кусокъ свиного сала и щепотку соли; подавая, она что-то мнѣ ласково сказала и рукой показала на край лежанки. Я догадался, что этотъ край будетъ служить мнѣ столомъ. Хлѣба съ солью я поѣлъ, сало отдалъ коту.

Утромъ барабанщикъ прошелъ по селу и барабанилъ сборъ. Я одѣлся и побѣгъ. Насъ за селомъ выстроили, выровняли; фельдфебель предупредилъ, какъ титуль давать. Командиръ роты, поздоровавшись съ нами, крикнулъ: «кто желаетъ креститься- впередь!» А для страха были положены передъ фронтомъ розги. Многіе отъ страха вышли, а я, какъ сынъ меламеда, внукъ раввина, рѣшилъ во что бы то не стало остаться при своей вѣрѣ; въ крайнемъ случаѣ я готовъ былъ ради «кидушъ гашемъ» умереть отъ своихъ рукъ. Тутъ начались ваши мученія, о которыхъ не стану долго разсказывать, такъ какъ объ этомъ уже не мало писали.

Раздѣлили насъ по капральствамъ (взводы). Со мной въ одномъ капральствѣ было 15 человекъ. Стали издѣваться надъ нами, мучить разными пытками, а меня больше всѣхъ мучили, потому что всѣ взваливали на меня, говоря, что если Меримзонъ пожелаетъ, то и мы. Къ пищѣ я тоже не могъ скоро привыкнуть, потому что хозяйка подавала щи съ свинымъ саломъ, которыя я сначала не могъ близко ко рту поднести: если же проголодаюсь и хлебну ложку, тотчасъ мой кошерный желудокъ выталкиваетъ обратно. И такъ, я около трехъ мѣсяцевъ питался хлѣбомъ съ водой, иногда съ квасомъ. Скоро однако сталъ замѣчать, что на этихъ харчахъ далеко не уѣду, и съ большимъ трудомъ пріучилъ свой желудокъ къ противной пищѣ.

Ученье наше состояло главнымъ образомъ въ разучиваніи православныхъ молитвъ и «словесности», т. е. какъ титуловать, начиная отъ царя до ефрейтора. Я въ этихъ наукахъ постоянно отличался противъ другихъ, потому что я, бывало, приглашаю къ себѣ на квартиру учителя, покупаю ему на пару грошей сѣмечекъ, пару баранокъ или булочку, а онъ мнѣ за это диктуетъ: я пишу еврейскими буквами, зазубриваю и утромъ иду смѣло на ученіе, надѣясь, что отвѣчу хорошо. Капраль (унтеръ - офицеръ) начинаетъ спрашивать, а я бойко ему отчеканиваю; когда кончаю, онъ награждаетъ меня «пятѣркой» - не въ тетрадь, а пятерней по фізіономіи, за то, что неправильно выговаривалъ. Напр., вмѣсто «Отче нашъ, иже еси», я говорилъ: «Отце насъ, иже еши». Виноватъ былъ еврейскій букварь, въ которомъ нѣтъ буквъ: ч, ж, ы. Въ особенности букву ы я никакъ не могъ произносить, и говорилъ «ми» вмѣсто «мы». За это я получалъ вышеуказанныя «пятерки», а иногда съ плюсомъ или «лапой», т. е. я долженъ былъ подставлять ладонь, а капраль билъ по ней палочкой. Бывало, идешь съ ученія на квартиру съ распухшими ладонями, съ красными щеками и заплаканными глазами.

Придешь на квартиру, а тамъ открывается другой адъ. Хозяйскія дѣти пристають съ разными насмѣшками, пишутъ мѣломъ кресты на шинели, мажутъ ротъ свинымъ саломъ. Однажды я набрался смѣлости и сталъ обороняться отъ этихъ чертенятъ. Было это такъ. Иду я съ ученія, проклиная свою горькую жизнь. Прихожу на квартиру, и лишь только перешагнуль порогъ, одинъ мальчикъ кинулся ко мнѣ съ кускомъ сала и хотѣлъ мазнуть по губамъ, а тутъ на грѣхъ подъ руку попалась «толкушка», чѣмъ они сало толкутъ; я этой толкушкой какъ трахнулъ мальчика, да прямо по носу; онъ повалился и кровь полилась ручьемъ. Хозяйка кинулась на меня, какъ разъяренная тигрица, и еслибъ я не успѣлъ выбѣжать, она бы разорвала меня на части. За мной она выбѣжала и стала кричать: караулъ! жидъ убилъ моего Петьку! Собрался народъ, собрались кантонисты и унтеръ - офицеры, барабанщику приказали бить тревогу, а я схватилъ желѣзную лопату, прислонился къ стѣнкѣ и сталъ въ оборонительную позу, а въ умѣ держалъ молитву «на Твою помощь уповаю, Боже». Унтеръ-офицеры приказали мнѣ бросить лопату и повели къ ротному командиру. Дорогой я въ умѣ читалъ 20-й псаломъ Давида. Привели меня къ ротному командиру, рассказали ему, въ чемъ дѣло. Ротный сталъ у меня спрашивать а я еще плохо понималъ, что онъ спрашиваетъ, но такъ какъ я уже успѣлъ затвердить солдатскіе отвѣты: «такъ точно, ваше броди!», «слушаю, ваше броди» - то и отвѣчалъ на всѣ вопросы: такъ точно, слушаю! Ротный приказалъ сейчасъ же меня перевести на другую квартиру, а хозяйкѣ обѣщаль, что онъ на другой день прикажетъ меня пороть.

Новая квартира оказалась, сверхъ ожиданія, очень хорошею. Дѣтей тамъ не было, дѣти были въ „отдѣлѣ“, только хозяинъ и хозяйка. Хозяйка меня отвела въ отдѣльную комнатку, съ маленькимъ окномъ; тамъ стояла небольшая кроватка, на которой лежалъ чистенькій тюфячекъ, а въ головахъ подушка, покрытая темно - коричневой ситцевой наволочкой. Возлѣ кроватки стоялъ, столикъ, покрытый скатертью изъ деревенскаго холста. Смотря на эту комнату, мнѣ не вѣрилось, чтобъ хозяйка меня помѣстила въ этотъ свѣтлый рай, но она ласково сказала: иди, миленькій солдатикъ, сюда. Я свою сумочку сунулъ подъ кровать и сталъ снимать шинель; хозяйка замѣтила, что по моему мундирчику маршируютъ „пѣхотинцы“, и не допустивъ меня до кровати, повела въ баню. День былъ субботній. Она по-матерински все со мной сдѣлала: обмыла и попарила. Выйдя изъ бани, она меня накормила чѣмъ богата. Покушавъ, я сталъ передъ ней на колѣни и поцѣловаль ея руку.

Хозяинъ тоже былъ добрый человекъ. Онъ подсѣлъ ко мнѣ, сталъ ласково спрашивать: какой я губерніи, есть ли родители, чѣмъ отецъ занимается. Я уже на нѣкоторые вопросы могъ отвѣчать на ломанномъ языкѣ, но чѣмъ отецъ занимается я не могъ объяснить, потому что сказать «меламедъ» - они не поймутъ, ибо такого ремесла у нихъ нѣтъ, а перевести слово «меламедъ» по русски я еще настолько не былъ ученъ. Я ему пальцемъ показаль, какъ нѣмой, но онъ не понялъ. Онъ мнѣ сказаль, что у нихъ есть сынъ - солдатъ, служить на Кавказѣ. Добрая хозяйка замѣтила, что я начинаю дремать; она отозвала хозяина и велѣла мнѣ ложиться спать. Съ горячей благодарственной молитвою къ Богу за его милость ко мнѣ я крѣпко заснулъ.

Рано утромъ я всталъ, помолился Богу, а добрая хозяйка дала мнѣ позавтракать и проводила меня на ученье. Въ ту минуту было похоже, какъ будто мать меня проводить въ хедерь.

Дорогой я самъ себѣ говорю: «слава Богу, что я теперь не нахожусь межъ двухъ огней, какъ на той проклятой квартирѣ, теперь буду только терпѣть на ученіи»... И такъ я простоялъ на этой квартирѣ цѣлый годъ, до окончанія рекрутскаго званія, т. е. до перевода въ рядовые. За этотъ годъ я успѣлъ выучиться говорить по русски, кончилъ всѣ «курсы» ученія, пересталъ терпѣть побои а сталъ рядовымъ, ловкачомъ. Иду на ученіе бодро, фуражка на бекрень, словомъ, совсѣмъ сталъ непохожъ на сына меламеда.

Въ теченіе перваго года, я почти каждый мѣсяцъ получалъ отъ своихъ родителей письмо съ рублемъ денегъ. Но вдругъ перестали мнѣ писать. Я много писемъ послалъ, а отвѣта не получалъ. И сталъ я горькую думушку думать: Богъ вѣдаетъ, живы ли они? что дѣлать? какъ узнать? И вотъ однажды, сидя на кровати, сильно затужилъ и не сталъ обѣдать. Хозяйка, замѣтивъ это, спросила: о чемъ ты, солдатикъ, затужился? аль тебя крѣпко били?

-«Нѣтъ, тетенька, это я тужу о томъ, что вотъ уже скоро полгода я не имѣю отъ своихъ родныхъ ни-какой вѣсточки... Богъ знаетъ живы ли они?»

-Пошли письмо.

- «Я уже нѣсколько разъ писалъ, но отвѣта нѣтъ».

-Такъ напиши какому нибудь знакомому или вашему рабину, который безпремѣнно отвѣтитъ.

- «Ахъ, тетенька, спасибо за добрый совѣтъ, что на разумъ наставили»...

- Садись, пообѣдай, а потомъ напишешь...

Пообѣдавъ, я написалъ письмо и послалъ къ своему бывшему меламеду Рувиму. Жду я недѣлю, жду другую, третью, четвертую, и вдругъ получаю письмо съ рублемъ денегъ... Разумѣется, я не такъ обрадовался рублю, какъ письму, но сталъ читать письмо, и у меня въ глазахъ потемнѣло. Вотъ что тамъ было:

«Бывшій нашъ сынъ, Хаимъ, а теперь чортъ тебя знаетъ, какъ звать - Ивановъ или еще какъ нибудь! Посылаемъ тебѣ рубль, купи себѣ веревку и повѣсься, или привяжи себѣ камень на шею и утопись. Отнынѣ во вѣки будь проклятъ. Никогда не поминай нашихъ именъ. Не посылай къ намъ своихъ фальшивыхъ писемъ. Мы даже ихъ отъ почталіона не будемъ принимать. У тебя теперь есть новые родители, пусть они тебѣ рубли даютъ. Если мы раньше тебя умремъ, мы и на томъ свѣтѣ молчать не будемъ, а будемъ тебя проклинать и тебѣ покою не дадимъ, потому что ты очернилъ наши имена и имя твоего дѣда, которое ты носилъ. Осрамилъ ты, злодѣй, нашу фамилію. Черезъ тебя за нами мальчишки вслѣдъ бѣгають и кричатъ: вашъ Хаимка - мешумедь¹⁶! мешумедь!.. Если же все это неправда, что намъ сказали, то пришли намъ удостовѣреніе отъ раввина, что ты не перекрестился; тогда ты у насъ останется любимымъ сыномъ».

Прочитавъ это письмо, я думаю себѣ: ахъ, бѣдненькіе, несчастные мои родители! должно быть отъ горя и печали умомъ тронулись. Видно изъ письма, что отецъ писалъ не въ своемъ умѣ. Да кто бы это могъ имъ рассказать эту брехню? Да откуда могли узнать, будто я перекрестился? Удивительно! Пишетъ отецъ, чтобы я прислалъ удостовѣреніе отъ раввина. Гдѣ - жъ я его возьму, этого раввина? Что дѣлать? Развѣ написать отцу, чтобы онъ прислалъ своего раввина изъ нашего

¹⁶ Предатель еврейского народа и иудаизма.

мѣстечка?.. Наконецъ, я узналъ посредствомъ переписки съ бывшимъ моимъ ребе Рувимомъ, какъ все это случилось. Спустя три мѣсяца послѣ моего отбытія, поймали одного мальчика и тоже отправили въ Кіевъ; но отецъ его не мелемедь: онъ незамѣтно ѣхалъ вслѣдъ за партіей и все цѣлился украсть своего мальчика отъ конвойныхъ, и наконецъ около самага Кіева ему это удалось. Этотъ - то человекъ около Кіева отъ кого-то слышалъ, что наша партія вся перекрестилась. Вотъ откуда отецъ узналъ... И вотъ съ тѣхъ поръ до самага выхода въ запасъ, я не имѣлъ переписки съ родителями.

Въ скоромъ времени, когда вступилъ на престолъ императоръ Александръ II, правительство усмотрѣло, что наша лилипутная армія совсѣмъ бесполезна для государства, что только напрасно расходуютъ на нее милліоны, а завѣдующіе этой арміей получаютъ жалованье и чины. Чины они получаютъ не за военные подвиги, а за то, что стараются побольше перекрещивать нашего брата. еврея. Напримѣръ, пошлетъ по начальству рапортъ, въ которомъ пишетъ: «честь имѣю донести, что во ввѣренной мнѣ ротѣ, въ такое-то время, добровольно пожелали креститься столько-то», и у кого окажется побольше перекрещенцевъ, тому выходятъ награда и чины. Эту то армію кантонистовъ приказано было теперь расформировать. Солдатскихъ дѣтей (русскихъ) немедленно отпустили на волю, а насъ, какъ взятыхъ по рекрутскому набору, распредѣлили такъ: крещеныхъ перевели въ разныя военно-учебныя заведенія, въ фельдшерскія школы, въ писарскіе классы и т. п. Насъ, некрещеныхъ, переслали въ «Аракчеевскія команды». Аракчеевскихъ командъ было три: въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ Кіевѣ. Изъ этихъ командъ разсылали юныхъ солдатиковъ по вольнымъ мастерскимъ съ контрактомъ на 5 лѣтъ. Я попалъ въ Москву и былъ отданъ въ столярную мастерскую.

Глава III.

Въ столярной мастерской, въ Москвѣ, Трудное время ученичества. Внезапное повышение: переводъ въ разрядъ старшихъ учениковъ. Меня наряжаютъ въ русскій національный костюмъ и въ меня влюбляется кухарка Марѳа. Бесѣда о моемъ крещеніи и мой диспутъ со священникомъ.

Въ московской столярной мастерской я оказался единственнымъ евреемъ среди 50 мастеровъ и 15 учениковъ. Все это былъ народъ невѣжественный, грубый, изъ мужиковъ. Сначала не мало пришлось терпѣть отъ ихъ издѣвательствъ и насмѣшекъ, но я все твердилъ себѣ: «не робѣй, рабъ мой Яковъ!» и ждалъ лучшихъ временъ.

Порядокъ моей жизни въ Москвѣ былъ такой. Какъ первогодній ученикъ, я долженъ былъ вставать въ 6 часовъ утра и четырехведернымъ ушатомъ натаскать воды въ кухню и мастерскую. Затѣмъ я варилъ клей и ходилъ на базаръ за припасами на такую орду; оттуда приходилось съ хозяйскимъ семействомъ таскать на плечахъ пуда 3 - 4. Въ 9 часовъ былъ завтракъ. Давали хлѣбъ съ квасомъ или вчерашними щами. Послѣ завтрака начинались мытарства. Мастера начинаютъ покрикивать: эй, жидъ, подай то-то! принеси то-то! жидъ, сходи туда-то! А иной мастеръ насмѣшливо скажетъ: «чуешь, жидочекъ? шабесь гуть»... Даже отъ старшихъ учениковъ приходилось выслушивать разныя насмѣшки. Иногда какой-либо мастеръ съостритъ по адерсу жида, начинается общій хохотъ. Съ тяжелою работою я мирился, потому что въ еврейскихъ городахъ ремесленникамъ - ученикамъ тоже приходится исполнять всякія непріятныя работы, но съ чѣмъ я не могъ мириться - это съ національною ненавистью, насмѣшками и издѣвательствами.

На пищу нельзя было обижаться. Обыкновенные русские щи, да каша - мать наша. Аппетит у меня был волчий, желудок к тrefному давно привык и никогда не капризничал. В постные дни к обеду подавалась «тюра». Эта пища составлялась из следующих предметов: хлбного мякиша, луку, перцу, соли и конопляного масла; все это толкушкой превращалось в тстообразную массу, которая потом разводилась жидко квасомъ. Эту похлебку ъли опять же съ хлбомъ, и ѡшь ее. бывало, съ такимъ аппетитомъ, что въ вискахъ трещить. Такою «тюрою» хорошо бы кормить быковъ на убой. В праздничные дни, кромъ горячей пищи, выдавалось по пирожку величиной въ пятикопѣчную булку, старшимъ ученикамъ - по цѣлому, а первогоднимъ - по половинкѣ. Пирожки эти бывали съ начинкой, смотря по днямъ: въ скоромные праздники - съ рубленнымъ мясомъ и гречишной кашей, а въ постные - съ кашей и грибами.

Старше ученики спали на верстакахъ и на мочальныхъ тюфякахъ, а младше - на стружкахъ между верстаками. Однажды я лежу и думаю: какъ бы мнѣ поскорѣе достигнуть этой чести, чтобы спать на верстакѣ и получать по цѣлому пирожку; охъ, не легкое это дѣло, особенно въ первые мѣсяцы!.. Но я набрался смѣлости и обратился къ хозяину-столяру съ покорнѣйшей просьбой. Лишь только вошелъ онъ въ мастерскую, я сталъ передъ нимъ на колѣни и сталъ просить, говоря: «Иванъ Васильевичъ, будьте милосердны, станьте за отца и за мать, заставьте меня за васъ Бога молить!» Онъ какъ-то удивленно посмотрѣлъ на меня, думая, что я хочу на кого либо пожаловаться, и спросилъ: что тебѣ?

- «Хочу стать при верстакѣ, хочу работать».

- А кто же будетъ воду носить?

- «Иванъ Васильевичъ я буду и воду носить и работать, и что прикажете я буду исполнять, только поставьте къ верстаку».

Хозяйка въ то время стояла , за дверьми и слыхала, какъ я умолялъ хозяина; она вышла и . сказала: «Ваня, поставь его къ верстаку: онъ, замѣтно, смышленный жидокъ и, пожалуй, скоро научится мастерству».

На мое счастье въ этотъ день одинъ изъ мастеровъ запьянствовалъ, а такъ какъ онъ въ пьяномъ видѣ буйствовалъ, онъ кому-то разбилъ голову и попалъ въ участокъ. И вотъ хозяинъ мнѣ разрѣшилъ занять его мѣсто и вручилъ мнѣ весь инструментъ въ полное мое распоряженіе. Ахъ, не нахожу я словъ, чтобы передать ту радость, которую я въ этотъ день имѣлъ. Поминутно подходилъ я къ верстаку и любовался на инструментъ, которымъ я буду владѣть; наконецъ дождался ужина, но не до ѣды мнѣ было: я считалъ минуты пока удостоюсь великой чести - лечь на верстакъ. Поужинавъ, всѣ поразлеглись, а я разостлалъ матрацъ по верстаку, легъ къ верху животомъ и растянулся во весь ростъ. Лежу и думаю: надо постараться оправдать довѣріе хозяина. Ночь провелъ я безъ сна, и тянулась она точно цѣлый годъ, но лишь только стало разсвѣтать, я быстро всталъ, потихоньку вышелъ на дворъ, умылся, полою рубашки утерся и сталъ читать утреннюю молитву «Благословенъ ты, нашъ Богъ, создавшій челоѡка съ мудростью и одарившій меня разумнїемъ. Вчера только я спалъ на стружкахъ, а сегодня - на верстакѣ!»

Началась работа. Возлѣ верстака доски, размѣченныя ушедшимъ мастеромъ-пьяницей для распилки; я взялся за пилу, а сердце отъ радости затрепетало, но я подавилъ въ себѣ волненіе: надо было зорко слѣдить, чтобы пила не залѣзла мимо черты. Сталъ я пилить съ такой энергіей, что потъ градомъ покатился по лицу.

Распилилъ всѣ доски, а хозяинъ подошелъ и, увидѣвъ, что распилено правильно по чертамъ, приказалъ сосѣду - мастеру, чтобы онъ мнѣ показывалъ, какъ стругать, какъ шипы зашлифовывать, какъ гнѣзда для шиповъ выдалбливать.

Когда хозяинъ ушелъ, я сталъ думать, что это недостаточно, что хозяинъ приказалъ мастеру показывать: мастеръ хотя и будетъ показывать, но неохотно, злобно, съ придирками, и будетъ доносить хозяину, что я болванъ, неспособенъ. Во избѣжаніе этихъ непріятностей, надо «подмазать» - и все пойдетъ какъ по маслу. У меня хранился па черный день капиталецъ - около рубля денегъ, но показать мастеру весь капиталъ - опасно: онъ захочетъ, чтобы я ему отдалъ, или будетъ тянуть за душу каждый день. Я придумалъ хитрость. Вышелъ на дворъ, досталъ другривенный, затѣмъ какъ будто радостно вбѣжалъ и шопотомъ сказалъ мастеру: «Еремей Андреевичъ, мнѣ Богъ послалъ счастье - вотъ этотъ двугривенный... Возьмите... мнѣ деньги не нужны, а вамъ пригодятся». Онъ эту монету схватилъ, какъ голодная курица зерно, и сталъ мнѣ ласково показывать мастерство. Вечеромъ, поужинавъ, я легъ на бокъ, немного согнувъ ноги, и безъ просыпу проспалъ до утра. Утромъ я всталъ, помолился Богу и принялся на работу. Работаю и думаю: слава Богу, верстака добился, мастеръ мнѣ будетъ показывать, и я могу рассчитывать, что скоро буду получать цѣлый пирогъ. Сталъ я стругать, долбить, клеить, и все выходило правильно, чисто, гладко. Хозяинъ часто издали посматривалъ и любовался, какъ я энергично двигаюсь; подойдя, ласково похлопывалъ по плечу, говоря: «Молодецъ, Мееръ!.. Мнѣ желательно тебя называть Мирономъ». А я себѣ думаю: называй хоть горшкомъ, но только въ печку не ставь!.. Мѣсяца черезъ три, я успѣлъ догнать старшихъ учениковъ и сталъ получать по цѣлому пирогу. Старшіе ученики стали смотрѣть на меня съ завистью. Они часто покушались попортить мою работу: но я зорько смотрѣлъ, и имъ не удалось' напакостить. Случалось, что кто-либо изъ нихъ вздумаетъ привѣтствовать меня нецензурными словами, но я въ долгу не оставался и отвѣчалъ имъ по ихнему.

Черезъ годъ, за мое усердіе я сталъ получать отъ хозяина, секретно отъ старшихъ учениковъ, передъ годовыми праздниками подарки деньгами или ситцемъ на рубашку, что мнѣ давало поводъ еще больше стараться. Еще черезъ годъ мнѣ хозяйка сшила къ Святой, широкіе плисовые шаровары, красную рубаху съ косымъ воротомъ, и купила пестрый полушелковый поясокъ съ кисточками, а хозяинъ купилъ шагреновые сапоги съ красными отворотами. Мастера повели меня въ баню, а какъ пришли изъ бани, меня нарядили въ этотъ русскій костюмъ, поставили по срединѣ мастерской и стали любоваться мной. «Ахъ, совсѣмъ на жида не похожъ! - сказала хозяйка. Я бы тебѣ посоветовала принять нашу православную вѣру... Честное слово, ты совсѣмъ не похожъ на вашихъ; ваши бываютъ черные, съ крючковатыми носами, а ты настоящій нашъ, русскій»!

- Да, Наталья Петровна, - отвѣтилъ я: я самъ объ этомъ давно думалъ и изучилъ ваши всѣ молитвы наизусть, но это надо отложить, пока кончу ученіе.

-«Дай Богъ» - сказала она.

Молодая кухарка Марфа тоже прибѣжала смотрѣть на меня. Держа одну руку подъ передникомъ, а другую подъ подбородкомъ, она дольше всѣхъ стояла и осматривала меня съ головы до ногъ. Съ этихъ поръ, подъ разными предлогами, стала она часто приходиться въ мастерскую: то за стружками для подтопки, то за обрѣзками или щепками, и всегда при этомъ подходила къ моему верстаку и съ улыбкой спрашивала, какія щепки можно брать. У нея стали слишкомъ часто

портиться и ломаться кухонные инструменты, которые она приносила ко мнѣ поправлять, а я въ свою очередь тоже сталъ къ ней присматриваться и получилъ къ ней влеченіе. Она меня своими карими глазами точно приковывала. Я все старался не встрѣчаться съ ней, а она - наоборотъ. Однажды вышелъ такой случай. Хозяинъ, любя меня, далъ мнѣ на билетъ, чтобы я пошелъ въ циркъ. Тамъ сказалъ онъ, будутъ знаменитые наѣздники и наѣздницы, клоуны и пѣсельники. Я сталъ собираться идти. Марфа, узнавъ, что я иду въ циркъ, отпросилась со двора, якобы къ подругѣ. Дорогой мы съ ней сошлись, и она стала объясняться въ любви, говоря: «Мироша, я тебѣ давно хотѣла сказать, что я въ тебя влюбилась до самыхъ ушей, и хотѣла бы за тебя замужъ пойти, но допрежь перекрестись. Для приданого у меня есть двѣсти рублевъ денегъ, въ деревнѣ есть хата съ огородомъ, семь десятинъ земли досталось мнѣ по наслѣдству. Все это перепису на твое имя, но только на то имя, которое тебѣ дастъ батюшка при крещеніи». Выслушавъ ея рѣчь, я сказалъ: «Вотъ что, милая моя Марфуша! Креститься я не прочь, но не сейчасъ, а когда кончу ученіе. Я тогда перекрещусь, и мы повѣнчаемся; ты будешь кухаркой, а я буду столярить, и наживемъ много денегъ и откроемъ такую мастерскую, какъ у нашихъ хозяевъ... заживемъ тогда на славу. А пока подожди; до тѣхъ поръ я тебя буду любить».

- Ахъ, долго ждать! - воскликнула Марфа со вздохомъ.

У моего хозяина былъ знакомый, богатѣйшій купецъ, Вѣтровъ. У этого купца былъ въ Москвѣ цѣлый кварталъ домовъ, была своя собственная церковь, и содержалъ онъ весь церковный причтъ на свой счетъ. Онъ уже былъ старъ, жилъ одинъ, потому что его семейство все померло. Хозяинъ пригласилъ этого богача съ его священникомъ къ себѣ на именины. За столомъ велись разговоры о разныхъ разностяхъ. Заговорили о наслѣдствахъ: такой то, молъ, умеръ и сдѣлалъ завѣщаніе, а такой-то не успѣлъ сдѣлать завѣщаніе и теперь наслѣдники не могутъ раздѣлить между собой и затѣяли судъ. «А я уже сдѣлалъ завѣщаніе - сказалъ Вѣтровъ. - Я раздѣлилъ свое состояніе на четыре части: одну часть на монастыри, одну часть на богоугодныя заведенія, одну на бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ, а на четвертую часть мнѣ хотѣлось бы подыскать хорошаго честнаго еврея, окрестить его и оставить ему послѣ моей смерти наслѣдство; но трудно подыскать такого, потому что я слыхалъ про такихъ, что перекрестятся, возьмутъ наслѣдство и гайда въ Америку, а тамъ опять превратится въ еврея! По-моему, это кощунство, и мы, какъ православные, не должны допустить до этого... Какъ вы думаете, батюшка, справедливо я говорю?» - обратился онъ къ священнику.

- «Да, совершенно вѣрно, Максимъ Харитоновичъ, но не всѣ таковы-сказалъ священникъ. Мнѣ пришлось крестить нѣсколькихъ, и вышли очень хорошіе, и исполняютъ нашу религію, хотя бы природному русскому впору.. Можно не спѣша подыскать».

«Погодите, Максимъ Харитоновичъ, - сказалъ хозяинъ, - надо попробовать, не удастся ли уговорить моего ученика еврея».

«Откуда къ вамъ попалъ еврей въ ученики?» спросили всѣ. «А изъ Аракчеевской команды. Этого еврея я люблю больше всѣхъ своихъ русскихъ учениковъ; онъ уже у меня находится третій годъ, и кромѣ хорошаго я объ немъ не могу сказать: честный, старательный, способный, -словомъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошъ. Вотъ если бы удалось его уговорить! Я пробовалъ его уговаривать, а онъ руками и ногами отмахивается... Можетъ быть, батюшка сумѣетъ уговорить».

(Я весь этот разговор слышалъ, потому что мой верстакъ вплотную стоялъ у перегородки, около которой они сидѣли).

- «Позовите его», сказалъ священникъ.

Хозяйка вошла въ мастерскую и велѣла мнѣ по праздничному одѣться и выйти къ гостямъ. Одѣваюсь и думаю: вѣдь я неучъ, и какъ я смогу говорить со священникомъ, образованнымъ, изъ академіи; но отказаться нельзя - надо идти. Вошелъ, низко поклонился и сталъ на вытяжку около двери. Всѣ гости посмотрѣли на меня и велѣли садиться къ столу. Какъ водится по русскому обычаю, прежде водки, а потомъ чаю.

- «Возьми рюмку водки или вина и поздравь своего хозяина съ днемъ ангела», сказалъ мнѣ священникъ.

- «Батюшка, я могу поздравить и безъ вина, потому что я еще не приученъ къ напиткамъ, да ученику и не полагается пить вина, а какъ Богъ дастъ кончу ученіе, тогда...»

Священникъ началъ спрашивать, какой я губерніи, гдѣ былъ въ кантонистахъ, сколько лѣтъ, какъ попалъ въ Москву; я ему на всѣ его вопросы отвѣчалъ.

- «Вотъ я вижу, что судьба тебя привела въ Москву для твоего счастья. А счастье можешь получить даже на этихъ дняхъ, если ты только самъ не откажешься отъ него».

- Батюшка, - сказалъ я, - да кто себѣ добра не желаетъ? Объясните мнѣ и научите, какъ получить счастье.

- «Ты училъ ветхозавѣтный законъ Божій?»

- Училъ.

- «А знаешь что тамъ сказано, что вашъ народъ былъ избранъ Богомъ, а потомъ Богъ прогнѣвался на него и разсѣялъ по всему свѣту; всякій народъ имѣетъ свое государство, а вашъ не имѣетъ нигдѣ пристанища. И вотъ совѣтую тебѣ: откажись отъ своего народа, прими нашу православную вѣру и исполняй ее добросовѣстно; тогда ты будешь счастливъ на этомъ свѣтѣ, а на томъ свѣтѣ тебѣ будетъ дано поступить въ царство небесное, ибо невѣрующій во Христа не можетъ быть въ царствѣ небесномъ... Вотъ въ чемъ состоитъ твое счастье... бери!»

Гости внимательно слушали рѣчь батюшки и ждали моего отвѣта. «Батюшка, - сказалъ я, - то, что Богъ прогнѣвался на нашъ народъ и разсѣялъ по всему свѣту - это Его праведный судъ: такъ какъ Онъ владыко всего свѣта, то и своихъ избранныхъ разсѣялъ по всему свѣту. А что вы сулите мнѣ на этомъ свѣтѣ богатство, то это тоже зависитъ отъ Бога. Вы, батюшка, вѣроятно въ духовной академіи учили нашъ древнееврейскій языкъ. Такъ вотъ тамъ Богъ говоритъ: «у Меня серебро и у Меня золото». А въ заключеніе я вамъ долженъ сказать, что вы свою вѣру дешево цѣните, навязывая ее всякому еврею, точно какъ лавочникъ набивается со своимъ товаромъ... Вы должны проповѣдывать: «люби ближняго», - вотъ на примѣръ, какъ со мной поступаетъ Иванъ Васильевичъ (хозяинъ), не смотря на то, что я не крещеный, или какъ сей почтенный купецъ (указавъ на Вѣтрова) завѣщаетъ свой капиталъ на богоугодныя дѣла»... Bravo! bravo! закричали всѣ, а выпившій батюшка покраснѣлъ, глаза отъ злости и лишней водки налились кровью. Я думалъ: вотъ -

вотъ кинетсѧ на меня съ кулаками и начнетъ «благословлять». Но ничего этого не случилось. Батюшка, посидѣвъ немного, откашлянулсѧ и поднялсѧ уходить. «Батюшка, посидите еще»- сказалъ хозяинъ. «Нѣтъ, мнѣ нужно итти къ трудному больному, приобщить». Всѣ поднялись къ благословенію, а отъ меня, жида, отвернулсѧ и вышелъ.

- «Ну, молодець-еврейчикъ, донялъ нашего попа... молодець!»-сказалъ хозяинъ.

Кончилсѧ пиръ. Всѣ стали уходить. Вѣтровъ вынулъ изъ бокового кармана подушкообразный портмоне, досталъ троякъ и далъ мнѣ, ласково похлопалъ по плечу и сказалъ: «Молодець- еврейчикъ, держись за свою вѣру».

- Благодарю васъ, господинъ купецъ!

Съ этихъ поръ никто не сталъ уже напоминать насчетъ крещенія. Хозяинъ съ хозяйкой еще больше стали любить. Мастера, узнавъ отъ хозяина, какъ я отдѣлалъ попа, стали относиться ко мнѣ болѣе снисходительно и даже стали величать меня по имени и отчеству: «Миронъ Іосифовичъ» или «господинъ Меримзонъ».

Глава IV

Изъ мастерской обратно въ полкъ. - Переездъ изъ Москвы въ Саратовъ. - Канунъ Пасхи въ Нижнемъ - Новгородѣ и встрѣча съ таинственнымъ купцомъ. - Среди сектантовъ – «геровъ». Ихъ духовный пастырь - меламедъ, рѣзникъ и канторъ. Ихъ молитва и «сейдеръ». - Счастливая недѣля. - Дальнѣйшій путь въ Саратовъ; встрѣча съ рекрутомъ - ешиботникомъ. - Мимолетная встрѣча съ выкрестомъ Гринблатомъ.

Къ концу четвертаго года моего ученія, хозяинъ заболѣлъ неизлечимой болѣзнью, пролежалъ шесть недѣль и умеръ. Хозяйка продала все имущество и перешла съ Марфой на жительство къ женатому сыну. Мастера разошлись по разнымъ мастерскимъ, ученики поразѣхались по деревнямъ, къ роднымъ, а я попрощалсѧ съ хозяйкой, поблагодаривъ за хлѣбъ, за соль, и отправилсѧ въ команду. Тамъ на другой день подвергли меня медицинскому осмотру и признали молодцомъ. Благодаря московской тюрѣ, я былъ откормленъ какъ кабанъ. Грудная клѣтка богатырская, мускулы сильно развиты. Въ виду моего здороваго тѣлосложенія, меня назначили въ конную артиллерію. Я смутился, думая: куда я, сынъ меламеда, гоюсь въ такую службу, гдѣ нужно умѣть ходить за лошадьми? Я, разумѣется, взялся сперва за Бога, а потомъ за кошелекъ. Прочитавъ 20-й псаломъ Давида, подошелъ къ старшему писарю съ «подмазкой». Это подѣйствовало. Писарь замѣнилъ меня другимъ и записалъ меня въ пѣхоту, въ 17-ю дивизію, которая находилась въ Саратовѣ (1862 г.).

Въ командѣ мнѣ пришлось ждать, пока соберетсѧ партія на тотъ путь. Маршрутъ былъ назначенъ черезъ Нижній - Новгородъ, а тамъ по Волгѣ до Саратова. Прибыли въ Нижній, и тамъ тоже пришлось ждать. На этапномъ дворѣ ко мнѣ присосѣдился такой же горемыка, какъ я; мы подружались и оберегали другъ друга. За день до нашей отправки мы попросились сходить на базаръ - закупить харчи на дорогу, потому что на Волгѣ, думали, нельзя будетъ купить. Это было наканунѣ нашей пасхи. Идемъ мы и горюемъ: завтра наши родители будутъ сидѣть за сейдеромъ. а мы на Волгѣ будемъ кушать «хомецъ» Вспомнили дѣтство и заплакали...

Вдругъ поровнялся съ нами пожилой русскій купецъ, въ поддевкѣ темно - синяго сукна, краснымъ кушакомъ подпоясанной, съ подстриженными въ скобку

волосами и окладистой рыжеватой бородой, словомъ - на видъ настоящій русскій купецъ. Онъ насъ остановилъ и сталъ спрашивать: откуда и куда насъ отправляютъ. Какой мы націи онъ не спросилъ, ибо узналъ насъ по типу, а только спросилъ, не перекрещены ли мы. Мы отвѣтили, что нѣтъ. «Не вѣрится мнѣ - сказалъ онъ: вы были въ кантонистахъ и могли остаться евреями?.. А куда вы сейчасъ идете?»

- Мы идемъ за покупкой къ хлѣбу... намъ на два дня выдали хлѣба, а на остальные дни по расчету выдали сухарями, и завтра насъ отправятъ по Волгѣ въ Саратовъ.

- «А вѣдь завтра вечеромъ заходитъ пасха!» - вдругъ сказалъ купецъ.

- Что же намъ дѣлать, господинъ купецъ?... Не на волѣ... служба!

- «Вернитесь-отвѣтилъ онъ. Не тратьте своихъ несчастныхъ грошей. Я вамъ черезъ часъ или два пришлю, либо самъ привезу, харчи на всю дорогу». Сказавъ это, онъ вынулъ изъ за пазухи книжечку съ карандашемъ, записалъ насъ, затѣмъ позвалъ извозчика и поѣхалъ.

Мы стояли въ недоумѣніи. Что это значить? Что этотъ купецъ хочетъ съ нами дѣлать? Можетъ быть, онъ сумасшедшій, или пошутить хотѣлъ? Но по разговору не замѣтно было, чтобы онъ путался словами или вздумалъ съ нами, жидами, какою-нибудь шутку сыграть. Кто его знаетъ?.. Пойдемъ, посмотримъ - сказалъ я товарищу. Пришли мы на сборный пунктъ и стали ждать. Вдругъ мнѣ пришла въ голову мысль, я и говорю товарищу: «Вѣроятно, какъ мы вспоминали давеча, какъ наши родители будутъ справлять сейдеръ, и заплакали, то Богъ принялъ наши слезы и послалъ къ намъ Эліогу Ганови, который замаскировался купцомъ... Вотъ увидимъ: если онъ пришлетъ пасхальную пищу, то это онъ». Ждемъ часъ, другой, и вдругъ прибѣгаетъ дежурный унтеръ - офицеръ съ запиской въ рукѣ и кричить: «кто тутъ Мейеръ Меримзонъ?» - Я откликнулся.

- «Михель Заксъ?»

- Я! отозвался мой товарищъ.

- «Идите къ начальнику», сказалъ унтеръ-офицеръ... Вотъ и дождались, да совсѣмъ не то - подумали мы. Вышли мы на улицу, а тамъ стоялъ извозчикъ, мимо котораго мы было направились къ воинскому начальнику... «Эй, землячки, стойте! - крикнулъ онъ. Не вы ли Мейеръ Меримзонъ и Михель Заксъ?»

- Мы.

- «Это я за вами пріѣхалъ, садитесь!» Мы усѣлись, сумки положили въ ногахъ, извозчикъ дернулъ за вожжи, и конь быстро помчался.

Дорогой сталъ я осматривать извозчика, и мнѣ стало подозрительно, что онъ по костюму и по виду не похожъ на извозчика или кучера, а скорѣе на купеческаго сына. Я объ этомъ шепнулъ товарищу, а онъ мнѣ: а что тебѣ за дѣло разбирать, кто онъ? Лишь бы довезъ куда слѣдуетъ... Проѣхали двѣ-три улицы; извозчикъ остановился въ переулкѣ, около трехэтажнаго дома, велѣлъ намъ слѣзть и идти черезъ калитку. Взойдя во дворъ, мы, къ великому нашему удивленію, встрѣтили того купца, который обѣщалъ намъ прислать харчи; извозчикъ оказался его сыномъ.

Купецъ повель насъ по темной лѣстницѣ, предупредивъ, чтобы мы держались за перила, и мы поднялись на самый верхній этажъ. Лишь только онъ отворилъ дверь квартиры, намъ показалось, что онъ открылъ передъ нами свѣтлый рай. Большой залъ; по срединѣ потолка висить большая бронзовая люстра, покрытая синей тюлюю; вдоль стѣнъ кресла, покрытыя темно - коричневымъ бархатомъ; по стѣнамъ висять большія картины въ золоченыхъ рамахъ, зеркала; полъ паркетный. Посрединѣ зала стоитъ большой столъ, покрытый разноцвѣтной скатертью. Возлѣ стола сидить еврей среднихъ лѣтъ, въ чистомъ длинномъ сюртукѣ, и вторить съ двумя русскими мальчиками «гагадуи». Еврей поднялся и подаль намъ руку: а мы ему.

Онъ наскоро разспросилъ насъ: откуда и куда? Мальчики смотрѣли на насъ съ большимъ любопытствомъ. Я тихо спросилъ у еврея: «Будьте добры, скажите: куда мы попали? какой тутъ народъ? не то русскій, не то еврей» ... Ребе улыбнулся и сказалъ: «Это- Гейримъ»¹⁷ Тутъ есть порядочно и субботниковъ, которые тоже съ любовью соблюдаютъ нашу вѣру; такъ какъ правительство ихъ строго преслѣдуетъ, то они нашли удобное мѣсто у моего хозяина и здѣсь исполняютъ религіозные обряды. Я исполняю три должности - шохета¹⁸, кантора¹⁹ и меламеда, и за всѣ эти должности я бываю награжденъ, что не смѣю обижаться. Вотъ вы сегодня вечеромъ увидите. Ко мнѣ соберутся и будутъ мнѣ «хомецъ» продавать, а завтра вечеромъ соберутся Богу молиться"

Мы не знали, куда намъ свои сумки положить и шинели повѣсить, но ребе насъ выручилъ: зажегъ свѣчку, повель насъ по темному корридору и показалъ намъ чуланъ для вещей; тольковелѣлъ намъ достать молитвенники, если у насъ есть. Лишь только мы вернулись въ залъ, хозяинъ съ хозяйкой пришли. – «Вотъ у насъ, душечка «орхимъ» будутъ, - сказалъ хозяинъ женѣ. Я ихъ отпросилъ на всю недѣлю, а начальникъ записалъ ихъ больными и приказалъ, чтобы по городу не шлялись. А вы, обратился онъ къ намъ, тутъ получите харчи, какъ я вамъ обѣщался». Мы поклонились и поблагодарили. Хозяйка добродушно посмотрѣла на насъ, покачала головой и сказала: ахъ, какіе еще молоденькіе солдатики! Она хотѣла распрашивать, но хозяинъ перебилъ, говоря: ты еще успѣешь за недѣлю узнать ихнюю жизнь, а пока похлопочи, чѣмъ ихъ накормить.

- Чѣмъ же ихъ накормить? - спросила хозяйка у меламеда: въ кухнѣ уже «хомеца» нѣтъ, будничная посуда вынесена... „Сварите имъ въ пейсаховой кастрюлѣ картошки съ рыбой, а покамѣсть сварится, я бы посоветовалъ свести ихъ въ баню" - сказалъ меламедъ. Хозяйка пошла готовить, а насъ повели въ баню. Прийдя въ баню, я сталъ Бога благодарить за его великую милость, и въ душѣ просилъ у него прощенія за то, что въ святую пасху мнѣ придется сидѣть со своей трэфной утробой за кошернымъ столомъ. Мы съ Михелемъ помылись, попарились, и затѣмъ пришли прямо въ кухню. Тамъ уже было все приготовлено и поставлено на столъ, и мы съ большимъ аппетитомъ скоро очистили глубокую миску... Слава Богу, кошерный фундаментъ положили...

Вечеромъ стали приходять сектанты къ своему пастырю, упомянутому меламеду - шохету, для «продажи хомеца». Каждый приносилъ неокрашенную новую деревянную ложку, завернутую въ тряпку, подъ которой лежали перья изъ

¹⁷ Геры іудействующая секта, родственная еубботннкамъ.

¹⁸ Шо(й)жет — резник в иудейской общине; человек, занимающийся убоем скота и ритуальной обработкой мяса. Также старается минимизировать страдания скота и сделать мясо пригодным для употребления в пищу.

¹⁹ Человек, ведущий богослужение в синагоге.

гусиного крыла и восковая свѣчка; подавая рѣзнику ложку, каждый вносилъ посильную лепту. Мнѣ казалось, что шохеть въ этотъ вечеръ собралъ больше, чѣмъ въ чертъ осѣдлости раввинъ получаетъ за цѣлый мѣсяць отъ своей паствы.

Не забуду этой пасхи до тѣхъ поръ, пока матушка - земля приметъ меня. Меня больше всего интересовало, какъ новые евреи исполняютъ нашу святую вѣру. Вотъ солнце стало подвигаться къ закату. Всѣ собрались отслужить вечерню; я сталъ прислушиваться, какъ они будутъ произносить слова молитвы. Шохеть сталъ передъ амвономъ и громко провозгласилъ «Ашрей»²⁰... Всѣ, какъ одинъ, съ какимъ то страхомъ стали молиться. «Шмона – Эсре» они шопотомъ произносили, почти каждое слово со вздохомъ. Когда шохеть читалъ вслухъ, они не пропускали ни одного раза, чтобы не отвѣчать: благословень Богъ, благословенно имя его, аминь!

Меня крѣпко удивило, когда подбѣжалъ одинъ мальчикъ и сталъ звонко говорить «Кадишъ». Кончивъ вечерню, не стали расходиться до всенощной – «Мааривъ». Шохеть взошелъ на каеэдру и сталъ говорить проповѣдь, а чтобы всѣ понимали - онъ говорилъ по русски. Во время проповѣди въ молитвенномъ залѣ стояла мертвая тишина, ибо всѣ слушали внимательно. Кончивъ проповѣдь, шохеть сталъ совершать всенощную, а затѣмъ всѣ другъ друга поздравили съ святымъ праздникомъ, пожелавъ, чтобы Богъ удостоилъ насъ на будущій годъ быть въ святомъ градѣ Иерусалимѣ.

Начался «сейдеръ»²¹. Залъ былъ ярко освѣщенъ. Люстра горѣла какъ будто разноцвѣтными огнями. По срединѣ стола горѣлъ рядъ стеариновыхъ свѣчей въ серебряныхъ канделябрахъ. Стоялъ большущій графинъ, наполненный виномъ. Напротивъ каждаго сидящаго за столомъ стояли серебряные, внутри позолоченные бокальчики, а для Ильи - пророка былъ отдѣльно поставленъ большой бокаль. На концѣ стола стояли два фарфоровыхъ блюда съ тремя мацами, покрытыя новыми шелковыми салфетками. Поверхъ салфетокъ красовались на блюдечкахъ куски хрѣна, лука, вареныя яйца и еще какая-то темно - коричневая смѣсь. Эти два прибора были поставлены для двухъ королей вечера: для шохета и хозяина (Абрама).

И вотъ сѣли короли наши на свои усталыя подушками кресла, сѣли и королевы: шохетиха рядомъ съ мужемъ, а хозяйка Сарра примостилась къ своему королю. Мы всѣ съ сияющими лицами разсѣлись по порядку. Наполнили всѣ бокалы виномъ. Шохеть взялъ свой бокаль, поставилъ на правую ладонь и сталъ громко, съ обычнымъ напѣвомъ, дѣлать «Кидушъ». Послѣ него прочиталъ «Кидушъ» Абрамъ, но произносилъ слова такъ, что я едва удержался отъ смѣха.

Потомъ шохеть предложилъ намъ, военнымъ, сдѣлать «Кидушъ». Я вспомнилъ, какъ я это дѣлалъ дома, и сталъ звонко отчеканивать, слово за словомъ, тактично, весело: послѣ меня продѣлалъ эту церемонію мой товарищъ Михель, а вслѣдъ за нимъ старшій сынъ хозяина, который привезъ насъ; онъ посматривалъ въ гагаду и твердо выговаривалъ слова. Два мальчика: Рувимъ и Семень, зазубривъ передъ праздникомъ четыре вопроса, бойко отзвонили ихъ. Потомъ всѣ хоромъ стали отвѣчать на эти вопросы. Читали всѣ весело: только одна шохетиха читала заунывно, какъ набожныя женщины читаютъ на жаргонѣ «Тхиносъ». Я весело

²⁰ «Счастливы; блаженны» - одна из главных молитв в иудаизме, прославляющих Бога.

²¹ Ритуальная семейная трапеза, проводимая в начале праздника Песах (еврейской Пасхи). Время проведения — вечер (после наступления темноты) на исходе 14-го числа месяца нисана по еврейскому календарю...

читаль гагаду и думаль: поскорѣ бы подали «кнейдлехъ»²²! Скоро мое желаніе исполнилось. Подали «кнейдлехъ» съ вкуснымъ супомъ, съ солидной порціей гусятины, распили уже по парѣ бокальчиковъ вина, что и подало бодрость продолжать чтеніе. Шохетъ велѣлъ отворить дверь, чтобы взошелъ Илья - пророкъ, и мы кликнули невидимому гостю: «борухъ габо»!.. Когда дочитали до «хадъ-гадье», я распѣлъ эту пѣсню на веселый мотивъ русской «камаринской». Сейдеръ затянулся далеко за полночь. Меня уже одолѣвалъ сонъ. Добрый хозяинъ отвелъ насъ въ отдѣльную спальню, и мы легли въ мягкую постель. Крѣпко заснули и спали до тѣхъ поръ, пока всѣ сектанты собрались на утреннюю молитву. Шохетъ насъ разбудилъ и началъ совершать «шахрисъ».

Туть мнѣ пришлось еще видѣть незабвенное радостное зрѣлище. Когда канторъ провозгласилъ молитву передъ выемкою Торы изъ кивота²³, хозяинъ стремглавъ кинулся къ амвону, досталъ Тору и несъ ее прижимая къ груди, какъ мать прижимаетъ любимое дитя. Сектанты поспѣшно, почти на перебой подбѣгали цѣловать Тору. Затѣмъ пошли вызовы къ Торѣ. Такъ какъ у сектантовъ не могло быть «когановъ» и «левитовъ», то пришлось замѣстить ихъ при чтеніи Торы старѣйшими, почетнѣйшими прихожанами. Вотъ вызвали одного почтеннаго старика: я слушаю, какъ онъ отрывисто выговариваетъ слово за словомъ, и сердце таетъ: еслибъ возможно было, кажется, поцѣловалъ бы его. Къ «мафтиру» вызвали сына хозяина, и онъ, къ моему удивленію, сталъ бодро, протяжно выговаривать съ обычнымъ напѣвомъ. Мать его стояла у дверей и слушала, и видно было, какъ у нея грудь высоко поднимается отъ радостнаго волненія.

Кончилась поздняя обѣдня, «мусафъ». Всѣ хотѣли уходить но хозяинъ не пустилъ: «сегодня я прошу васъ въ столовую на кибудъ»-сказалъ онъ. Не стали себя долго упрашивать и пошли въ столовую, сдѣлали «лейхаимъ». Мнѣ смѣшно было слушать, какъ нѣкоторые выговаривали: «лохаемъ», лихаіомъ, лыхаямъ». Выпили, закусили на доброе здоровье и разошлись. Про обѣдь не стану рассказывать. Было всего много, хорошаго, вкуснаго... Ышь до отвала!

Послѣ обѣда, немного отдохнувши, мы по приглашеніи хозяина пошли въ садъ. Погода была хорошая, небо чисто, на верхушкахъ еще безлиственныхъ деревьевъ тонкія вѣтки покачивались отъ легкаго вѣтерка... Садъ былъ огромный, обнесенный высокимъ заборомъ; по серединѣ сада стояла красивая бесѣдка; когда мы вошли въ бесѣдку, послышался звонкій дѣтскій крикъ. Оказалось, что сектантскія дѣти пришли въ садъ играть въ орѣхи. Пришло душъ 20. Всѣ подбѣжали къ намъ и съ дѣтскимъ любопытствомъ осматривали насъ. У каждого карманчики набиты орѣхами. Стали они рѣзвиться и искать удобныя мѣста для игры. Мальчикъ лѣтъ двѣнадцати крикнулъ: «послушайте, ребята, чуръ такъ! кто выиграетъ, чтобы съ каждого выигрыша дать солдатикамъ по два орѣха! Согласны?»

- «Согласны-крикнули всѣ. Вѣдь имъ негдѣ взять... ихніе родители далече живутъ... Папа и мама сказали, что и они нашей вѣры». Стали они играть и поминутно намъ орѣховъ приносить.

Первый день «холомоеда» былъ табельный, и торговля была закрыта. Сектанты собрались побесѣдовать и почаевичать. Къ чаю пригласили и насъ. За

---

²² Шарикі из мацовой муки. Мацовая мука - маца, размолотая до состоянія муки. Размешивается с водой, из смеси лепятся шарикі. Кнейдлах в бульоне - традиционное блюдо праздничного обеда на Песах у ашкеназских евреев. Их приготовление регулируется законами кашрута, чтобы не получилось нечто трефное.

²³ Ковчег святыни в котором находятся свитки Торы в каждой синагоге.

чаемъ затѣяли разговоръ про насъ. Хозяинъ разсказалъ, какъ онъ встрѣтился съ нами и какъ отпросилъ насъ у воинскаго начальника; разсказалъ исторію нашей жизни, которую отъ насъ узналъ.

- Ахъ, Абрамъ Мойсеевичъ, великое благодареніе вы сдѣлали для нихъ - сказалъ одинъ изъ бесѣдующихъ, - да и великое спасеніе для своей души вы заслужили у нашего истиннаго Бога. Вѣдь кабы не вы, имъ бы, бѣднымъ пришлось кушать «хомецъ».

- Ну, желалъ бы я такую заслугу имѣть у Бога-замѣтилъ другой.

- Надо помочь - отозвался старикъ, замѣститель когена: щедрая рука да не оскудѣетъ... сложимся, съ міру по ниткѣ - голому рубашка... Если кто желаетъ что пожертвовать, принесите послѣ «гавдоле» (молитва на исходъ праздника).

- Хорошо - сказали всѣ...

Такъ провели мы пасху. Были веселы, сыты, покойны. Но вотъ наступилъ послѣдній день праздника. Надо разстаться съ раемъ и вернуться въ адъ... Не успѣлъ Абрамъ Моисеевичъ сдѣлать «гавдоле», какъ всѣ сектанты пришли съ подарками: кто принесъ ситцу на рубашки, кто тикку на нижнее бѣлье; женщины нанесли полотенецъ, холста на портянки, носовыхъ платковъ, - словомъ, нагрозили цѣлый мѣшокъ, не считая харчей и лакомствъ. Тутъ же шохетъ поставилъ на столъ тарелку и кинулъ серебряную монету; вслѣдъ за тѣмъ посыпались разныя монетки, и накопилась полная тарелка.

Старикъ, замѣститель когена, подаль намъ по цѣлому рублю и сказалъ: «Смотрите, ребята, держитесь за нашу святую вѣру: не льстите, если вамъ кто либо будетъ сулить богатство; не льстите на чины, не вѣрьте кумирамъ, а продолжайте вѣрить въ Бога Авраама, Исаака и Якова... крѣпитесь»!..

- Благодаримъ, дѣдушка, за ваше божественное наставленіе - отвѣтили мы. Дѣти, видя, что всѣ кидаютъ деньги въ тарелку для насъ, стали умолять родителей, чтобы и имъ дали копѣчки для солдатиковъ. Родители съ улыбкой дали имъ по монеткѣ, дѣти кинули деньги въ тарелку и съ сіяющими личиками отошли. Шохетиха тоже не осталась въ долгу: она намъ подарила маленькую книжечку - краткій молитвенникъ. У меня сердце защемило при мысли, что завтра придется разстаться съ этими добрыми людьми. Тоска все стала усиливаться, я вспомнилъ грустный гимнъ, запѣлъ громко и залился слезами.

Шохетъ подошелъ ко мнѣ и сталъ меня утѣшать, но я никакъ не могъ удержаться. Всѣ, посмотрѣвъ на меня, спросили у шохета: что это за пѣсня, что онъ такъ расплакался? - Шохетъ перевелъ на русскій языкъ, они тяжело вздохнули и тоже стали утѣшать меня. Затѣмъ всѣ гости, попрощавшись съ нами и пожелавъ намъ счастливаго пути, разошлись.

Утромъ, нашъ благодѣтель Абрамъ Моисеевичъ повелъ насъ къ воинскому начальнику, а сыну велѣлъ отвести наши вещи на пристань и ждать тамъ до отправки. Жена проводила насъ, точно какъ родная мать провожаетъ любимыхъ сыновей въ дальній путь. У воинскаго начальника насъ долго не держали и сейчасъ же отправили съ конвойнымъ на пристань. Мы съ благодѣтелемъ попрощались, какъ съ роднымъ отцомъ. На пристани насъ сейчасъ же посадили въ барку, прицѣпленную къ пароходу. Хозяинскій сынъ, повидимому, былъ знакомъ съ конвойными; онъ просилъ ихъ, чтобы насъ не притѣсняли. Онъ, какъ братъ родной,

попрощался съ нами и ушелъ. Пароходъ тронулся. Немножко поодаль, за мачтой, гдѣ сидѣла группа выпившихъ солдатъ, запѣли: «внизъ по матушкѣ по Волгѣ, по широкому раздолью», а мы стали читать дорожную молитву.

Помолившись, я оглянулся и увидѣлъ: сидитъ противъ меня рекрутъ еврейскаго типа, похожій больше на ешиботника, чѣмъ на солдата. Фуражка у него надвинута на затылокъ, лобъ широкій, лицо блѣдное, какъ у мертвеца, щеки впалыя; шинель на немъ виситъ точно на колу; колѣнки дрожать, какъ въ лихорадкѣ. Смотрю на этого несчастнаго и думаю: куда онъ ходитъ въ строй? Его развѣ только на огородъ поставить, куръ пугать... Я сказала своему товарищу: „посмотри-ка, братъ, на этого несчастнаго рекрута, посмотри, какъ онъ сидитъ, чуть живой! Богъ вѣсть - доѣдетъ ли до мѣста... Вѣроятно, у него нечѣмъ себя подкрѣпить; видно по почти пустой сумкѣ, что тамъ кромѣ молитвенныхъ приборовъ и нѣсколькихъ сухарей ничего нѣтъ “.

- Надо помочь, согласился товарищъ, пригласимъ его. Я кивнулъ незнакомому, чтобы онъ подошелъ; онъ поднялся и, шатаясь, подошелъ къ намъ. Я хотѣлъ было начать спрашивать, но подумалъ, что надо его ранѣе накормить, а потомъ говорить. Я раскупорилъ ящикъ съ лакомствами, а товарищъ сталъ доставать булокъ. Къ великому моему удивленію, я въ ящикѣ нашелъ три бутылки: двѣ съ винограднымъ виномъ, а третья - съ пейсаховкой. Посмотри-ка, что у насъ есть - крикнулъ я радостно товарищу: это, должно быть, вложено по распоряженію Абрама Моисеевича...

Прежде, чѣмъ приняться за ѣду, я достала банку варенья, зачерпнулъ чайную ложку, и, обращаясь къ нашему спутнику, сказала: а ну-ка, новый воинъ, открой ротъ! Онъ шепнулъ молитву и вытянулъ свои тонкія губы воронкообразно. Я ему сунула ложечку до самаго черенка. Проглотивъ, онъ сталъ облизываться: я ему другую ложечку. Потомъ товарищъ сказалъ: дай-ка, и я его угощу, и Богъ дастъ - съ моей легкой руки онъ станетъ поправляться, - и тоже сунула ему двѣ ложечки варенья. По тощему горлу бѣдняги видно было, какъ скользило варенье: онъ чувствовалъ райское блаженство. Затѣмъ мы, совершивъ омовеніе рукъ и предварительную молитву, принялись за ѣду. Выпили по рюмкѣ пейсаховки и стали опорожнять наши богатые мѣшки. Когда наша трапеза кончилась и надо было помолиться «мезуменомъ», мы честь открытія молитвы отдали нашему больному спутнику, потому что онъ оказался когеномъ. Подкрѣпившись, нашъ больной ободрился. Когда мы принялись пить чай, завязался у насъ разговоръ.

Я спросилъ спутника: какъ тебя, такого больного, въ солдаты приняли?-«Я не былъ такой какъ теперь, - отвѣтилъ онъ,- это я дорогой заболѣлъ и пролежалъ шесть недѣль. Доктора нашли во мнѣ такую болѣзнь, что я въ больницѣ не могу поправиться, а на воздухъ скорѣе поправляюсь; вотъ меня и выписали».

- Есть у тебя родные?

- «Нѣтъ. Я остался круглымъ сиротой съ двѣнадцати лѣтъ. Два года учился въ Талмудъ-торѣ, а какъ я учился хорошо, меня раввинъ опредѣлилъ въ ешиботъ; тамъ я усиленно занимался талмудомъ и ходилъ по опредѣленнымъ домамъ «дни ѣсть». Отъ этихъ «дней» я конечно не могъ нажить жирнаго тѣла. Бывало, придешь къ ремесленнику, жена соберетъ по своему состоянію и сытно накормитъ, а какъ къ богатому идти-то знай, что этотъ день пройдетъ впроголодь, потому что богатая хозяйка постоянно въ суетѣ: либо сидитъ въ магазинѣ, а если захватишь ее дома,

то занята расчетами съ поставщиками отъ разныхъ лавокъ: стоишь и ждешь часами, а не хочешь ждать - уходи; хорошо еще, если догадливая кухарка сунетъ тебѣ ломтикъ хлѣба и отправить съ этимъ въ ешиботъ... Не смотря на всѣ эти невзгоды, я старался добиться раввинскаго званія, и наконецъ я выдержалъ экзамень на помощника раввина. Открылась и вакансія, но тутъ - трахъ!.. въ солдаты»!.. Такъ, бесѣдая, мы доплыли до Саратова. Тутъ мы разстались съ нашимъ спутникомъ, отдавъ ему часть собранныхъ для насъ въ Нижнемъ денегъ.

Въ Саратовѣ насъ отвели въ штабъ 17-й пѣхотной дивизіи. Тамъ насъ стали перекликать. Выкликнули: Меримзонъ! Я отозвался... Вдругъ выбѣжалъ изъ зеркальной залы молодой офицеръ и спросилъ: кто тутъ Меримзонъ!?-Я вытянулся, руки по швамъ: я, ваше благородіе!

- Ты откуда присланъ?

- Изъ Московской Аракчеевской команды, ваше благородіе!

- А въ кантонистахъ гдѣ былъ?

- Въ Кіевскомъ баталіонѣ, ваше благородіе.

- А зналъ ты Гринблата?

-Такъ точно, ваше благородіе; онъ со мной одного набора... Офицеръ хотѣлъ еще что-то спросить, но дежурный унтеръ-офицеръ перебилъ:-ваше высокоблагородіе, васъ требуетъ начальникъ дивизіи.

-А гдѣ онъ? - Около параднаго сидятъ съ губернскимъ воинскимъ начальникомъ въ каретѣ... Офицеръ поспѣшно надѣлъ пальто и ушелъ. Я тотчасъ догадался, что это Гринблатъ, бывший Клезмеръ, котораго въ дѣтствѣ «хаперы» увезли вмѣстѣ со мной, и мнѣ хотѣлось узнать объ немъ подробно. Но отъ кого узнать? Насъ разбили по полкамъ, и къ сожалѣнію - не попали мы трое въ одинъ полкъ. Я попалъ въ 66 пѣхотный Бутырскій полкъ. Я выбралъ удобное время и, разыскавъ квартиру старшаго писаря, попросилъ его въ трактиръ, чтобы отъ него узнать о молодомъ офицерѣ. Писарь согласился. Я его угостилъ по русски, и онъ мнѣ рассказалъ слѣдующее. Офицеръ этотъ изъ перекрещенцевъ; прибылъ онъ въ полкъ изъ юнкерскаго училища, по первому разряду, былъ полковымъ адъютантомъ, командовалъ ротой, на корпусномъ смотрѣ отличился. И вотъ онъ теперь за отлично усердную службу получилъ высшій чинъ и переведенъ въ Ташкентъ... Выслушавъ, я вздохнулъ: ахъ! а я остался несчастнымъ, гонимымъ евреемъ! Чтожъ дѣлать? родители бы навѣки прокляли. Вотъ и приходится опять стать въ ряды съ простыми рекрутами.

Глава V.

Поступленіе въ фельдшерскую школу. - Какъ я одолгѣлъ фельдшерскую науку, - Мобилизація по случаю польскаго возстанія. - Экзамены и производство въ младшіе фельдшера. - Командировка и мои «медицинскіе» подвиги. - Производство въ старшіе фельдшера.

Когда я возвратился въ полкъ (1862 г.), меня назначили въ строй. Я быстро сдружился съ винтовкой, и ротный командиръ похвалилъ меня за успѣхъ. Скоро онъ меня опредѣлилъ въ унтеръ - офицерскую школу, чтобы я могъ подготовиться тамъ къ унтеръ - офицерскому званію²⁴ Я мечталъ о моемъ будущемъ чинѣ и радовался,

²⁴ Съ 1861 г. дозволялось производить въ унтеръ-офицерскій чинъ и не крещеныхъ евреевъ - солдатъ. - Ред

а судьба готовила мнѣ еще болѣе пріятную неожиданность. Въ началѣ польскаго возстанія, Главное Военно - медицинское управленіе усмотрѣло, что въ войскахъ мало фельдшеровъ. И вотъ разосланъ былъ циркуляръ, чтобы въ каждомъ полку была учреждена фельдшерская школа при лазаретѣ, для 16 способныхъ молодыхъ солдатъ, по одному человѣку изъ каждой роты. Нашъ дивизионный докторъ почему-то симпатизировалъ нашей націи, и предписалъ старшимъ полковымъ врачамъ, чтобы они набирали побольше «еврейчиковъ».

Былъ полковой смотръ; полкъ выстроился развернутымъ фронтомъ. Передъ фронтомъ шелъ полковой старшій врачъ, а за нимъ фельдшеръ, державшій въ рукахъ свернутую трубкою бумагу съ карандашемъ. Врачъ, начиная съ первой роты, сталъ вызывать: евреи, впередъ! Выходили евреи, но все старые, которымъ въ скоромъ времени предстояло выйти въ отставку. Подошелъ къ моей ротѣ и кликнулъ: евреи, впередъ! Насъ вышло пять человѣкъ, между которыми, я оказался самымъ молодцоватымъ. И не сталъ врачъ меня спрашивать, знаю ли грамоту русскую, а велѣлъ тутъ же записать меня. Онъ приказалъ, чтобы я послѣ смотра сдалъ винтовку и со своими вещами отправился въ полковой лазаретъ...

Иду я въ лазаретъ и думаю: вотъ тебѣ разъ! попалъ въ кашу, да не въ нашу. Думалъ я попасть въ учебную команду, а попалъ въ медицинскую школу, но какая же огромная разница между этими заведеніями! Въ учебной командѣ не очень хитрое ученіе: тамъ главный урокъ, чтобы умѣть по правиламъ военной тактики заѣзжать рекруту въ фізіономію, а вотъ усвоить фельдшерскую науку мнѣ и думать нечего. Для этого надо мнѣ имѣть двѣ головы на плечахъ: одну чтобы выучила по русски, а другую чтобы ту же мудрость знать по латински, да потомъ надо еще поступить въ латинскую кухню и выучиться стряпать; у меня же только одна голова, да и та набита московской тюррой. Но что дѣлать, -думаю себѣ: -начальство знаетъ, что дѣлаетъ... Надо повиноваться... служба!

Прихожу въ лазаретъ, а тамъ уже собрались 15 человѣкъ. Намъ отвели флигель во дворѣ. Переночевали и ждемъ начала ученія. Въ циркулярѣ было сказано, чтобы всю фельдшерскую науку преподавать намъ сокращенно, а главное - обучать насъ перевязкѣ. Между всѣми я былъ одинъ еврей и неграмотный; остальные были поляки, латыши и русскіе, и всѣ малограмотные; поляки умѣли читать по латыни. Я вижу: дѣло плохо... Надо учиться. Пошелъ я въ книжный магазинъ, купилъ двѣ азбуки: русскую и латинскую, и началъ зубрить съ большимъ усердіемъ. Въ теченіе мѣсяца научился читать плавно по русски и разбирать по латыни, а спустя три мѣсяца я почувствовалъ, что мнѣ не нужны двѣ головы, а моя буйная головушка съ Божьей помощію справится одна.

За больными сталъ ухаживать ласково, терпѣливо, старался, чтобы они моимъ уходомъ были довольны. Выписалъ себѣ фельдшерскій учебникъ Лунина, сталъ внимательно присматриваться къ дѣйствіямъ старыхъ фельдшеровъ. Я не позволялъ себѣ прогулять ни одной минуты: все зубрилъ учебникъ, и къ великому моему удивленію, со второй половины перваго года, фельдшера стали просить меня, чтобы я за нихъ дежурилъ. Это придавало больше бодрости. Старшій врачъ сталъ на меня обращать особенное вниманіе. Приходя въ лазаретъ, онъ бывало съ улыбкой спрашиваетъ: ну, Меримзонъ, какъ твои дѣла?

- «Слава Богу, ваше высокоблагородіе!»

- Понимаешь, что значить анатомія?

- «Такъ точно... Я знаю еще остеологию, и если Богъ дастъ на экзаменъ спросятъ: какая кость соединяется съ какой, я уже не скажу, что затылочная кость соединяется съ крестовой». Онъ и тутъ же стоявшіе младшіе врачи расхохотались. А перевязку всю знаешь?

- «Такъ точно. Любую рану сумью перевязать».

- Молодецъ!

- «Радъ стараться!»

Я еще усерднѣе сталъ заниматься учениемъ, но тутъ вдругъ неожиданная переменна помѣшала. Это было на второмъ году моего учения. Получилась телеграмма, что наша дивизія назначена на усмиреніе Польши. Закипѣло дѣло; началась мобилизація, потому что правительство думало, что Франція заступится за поляковъ. Маршрутъ былъ назначенъ по Волгѣ, черезъ Нижній Новгородъ. Доплыли до Нижняго, но получили телеграмму, чтобы наша дивизія остановилась въ Нижнемъ, потому что на мѣстѣ уже оказалось достаточно войскъ.

Стали сортировать фельдшеровъ, для отправки, и потребовали отъ нашего полка двухъ фельдшеровъ, а на мѣста выбывшихъ приказали назначить наиболѣе опытныхъ изъ учениковъ. По распоряженію дивизионнаго врача, фельдшерскіе ученики всѣхъ полковъ должны были явиться къ нему на экзаменъ. Когда я услышалъ это, у меня сердце дрогнуло. Я не боялся, что не отвѣчу по анатоміи, рецептурѣ, перевязкѣ и т. п., но больше всего боялся премудрой русской грамматики, съ которой никакъ не могъ сладить. Вдругъ заставятъ меня склонять, запрягать да погонять, я стану въ тупикъ, и вотъ, вмѣсто фельдшера, попаду въ служителя, шваброй полы вытирать, да горшки выносить. Больные будутъ смѣяться и скажутъ: а что, Меримзонъ, хотѣлось тебѣ «захварситься» въ галунахъ, а таперича!.. Думаю: что дѣлать? Надо взяться за Бога. Я семь разъ прочелъ 20-й псаломъ Давида, и Богъ помогъ. Экзаменъ я выдержалъ хорошо; объ грамматикѣ и помину не было. Я былъ на седьмомъ небѣ.

На другой день насъ отвели въ мертвецкую, чтобы приучить вскрывать трупы. Это мнѣ показалось похуже грамматики. Думаю: Боже мой, какъ моя рука станетъ человѣка рѣзать, хотя бы и мертваго?.. Но что подѣлаешь? Показывалъ намъ старикъ - фельдшеръ, пропитанный варварской дисциплиной. Онъ снялъ черепъ, вынулъ мозгъ и мозжечокъ; на все это я скрѣпя сердце смотрѣлъ, а какъ рѣзнулъ вдоль груди и живота и какъ оттуда ударилъ газъ, у меня голова стала кружиться и поднялась тошнота. Варваръ это замѣтилъ, мазнулъ меня кишкой по губамъ и сталъ меня угощать самыми отборными ругательствами, говоря: «А ты еще хочешь быть фельдшеромъ! Вѣдь это тебѣ не шабашъ справлять». Онъ меня ругаетъ, а меня рветъ, и стало рвать желчью. Не знаю, что со мной было бы, еслибъ не пришелъ молодой докторъ, который сейчасъ же мнѣ остановилъ рвоту и приказалъ меня отвести въ приемную. Вотъ, думаю себѣ, настоящій экзаменъ! Надо себя взять въ руки. Всякое начало трудно...

Нѣсколько дней насъ водили по разнымъ лазаретнымъ мертвецкимъ, и я сталъ привыкать. Для смѣлости, я предъ экзаменомъ выпилъ рюмочку водки съ мятными каплями и принялся за дѣло. Мнѣ трудно было въ первый разъ рѣзнуть, а потомъ уже я сдѣлался «хирургомъ». Черезъ недѣлю старшій врачъ, прійдя въ лазаретъ, приказалъ намъ отправиться въ швальню для нашивки галуновъ... Какая радость! Я не шель, а леталь. Изъ швальни я вышелъ, весь сіяющій. Мой воротникъ

и обшлага разукрашены золотистыми галунами, а на погонахъ лежать бѣлоснѣжныя ленточки. Вотъ рекруты и даже рядовые, идя мимо, козыряютъ; я думаю, что вѣроятно увидѣли офицера; оглядываюсь - офицера нѣтъ, стало быть, мнѣ козыряютъ. Мнѣ казалось, что все это я вижу во снѣ...

На другой день я зашелъ въ палату къ больнымъ. Они обрадовались, увидѣвъ меня съ галунами, и стали поздравлять; даже слабые стараясь подымать головы и слабымъ голосомъ поздравляли. Я пожелалъ имъ выздоровѣть и тоже заслужить унтеръ - офицерскаго званія. «Покорно благодаримъ, господинъ «фершалъ» - услышалъ я въ отвѣтъ. Пришелъ докторъ и тоже, какъ то иначе посмотрѣвъ на меня, сказалъ: «Вотъ видишь, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ. Старайся, молодецъ!». Докторъ иногда бралъ меня съ собою на вольную практику, оставлялъ меня при больныхъ - измѣрять температуру давать лѣкарство и т. п. Тутъ мнѣ давали за трудъ, и у меня завелись кой какія деньги. Прославился я среди рабочихъ. Они обращались ко мнѣ за совѣтомъ и величали меня: «господинъ фершалъ». Вотъ честь-то! чуть не фельдмаршалъ - разница небольшая. Такъ, я два года (1867-68), будучи младшимъ фельдшеромъ, безбѣдно жилъ и ни о чемъ не тужилъ.

На третьемъ году сердце мое стало мнѣ что-то радостное предвѣщать, и мое предчувствіе дѣйствительно оправдалось. Назначили меня въ командировку съ молодыми солдатами Дмитровскаго резервнаго баталіона въ Ставрополь - Кавказскій. Желѣзной дороги еще въ то время не было. Маршрутъ былъ назначенъ черезъ Область войска донскаго. Пришлось имѣть дневку въ Аксайской станицѣ. По сосѣдству съ моей квартирой лежалъ больной водянкой. Узнавъ, что рядомъ квартируетъ фельдшеръ, меня пригласили. Я зашелъ, и мнѣ представилась такая картина: лежитъ человекъ почти въ три аршина ростомъ, глаза распухши, грудь и животъ какъ бочка, ноги какъ бревна. Осмотрѣвъ его, я спросилъ: почему вы не приглашаете своихъ докторовъ?

- «Были у насъ доктора, фельдшера и бабки»... Я пересмотрѣлъ сигнатурки и думаю: чѣмъ я то могу ему помочь? Но отказаться не ловко. Къ счастью, при мнѣ былъ лѣчебникъ знаменитаго нѣмецкаго профессора въ русскомъ переводѣ; я выбралъ подходящій рецептъ и велѣлъ сдѣлать ванны, а чтобы они были болѣе увѣрены, я пошепталъ надъ больнымъ и велѣлъ, чтобъ при дачѣ лѣкарства больному предварительно каждую ложку три раза перекрестили. На другой день, передъ выходомъ въ походъ, я зашелъ посмотрѣть, исполняютъ ли мой совѣтъ, - и къ великому моему удивленію, замѣтилъ, что у больного какъ будто глаза чуть открылись. На прощаніи они мою подводку нагроузили кавунами, яйцами, коровьимъ масломъ, булками, и просили, чтобы на обратномъ пути пожаловалъ къ нимъ. Какъ повезетъ, такъ и везетъ. Партионный офицеръ сталъ со мной обращаться не какъ съ нижнимъ чиномъ, а какъ съ «частицей медицины»; на станціяхъ мы останавливались съ нимъ на одной квартирѣ, готовили пищу вмѣстѣ, кушали яичницы и закусывали кавунами. Отъ Аксайской станицы до Ставрополя мы шли три недѣли. Когда сдали партію, я попрощался съ партионнымъ; онъ мнѣ далъ аттестатъ и поднялъ меня выше колокольни Ивана Великаго.

На обратномъ пути я на Аксайской станицѣ пошелъ навѣстить моего бывшаго пациента. Подхожу къ этому дому и вижу: сидитъ на скамейкѣ молодой, высокаго роста, худой и блѣдный казакъ. Я спросилъ: - здѣсь домъ Бондаренковъ?

- Здѣсь.

- Что, больной ваш живъ?

- Живъ... У казака появился маленькій румянецъ въ щекахъ, и онъ съ радостной улыбкой пригласилъ меня въ домъ; семейство встрѣтило меня, какъ испанскаго короля; посадили меня подъ святой уголь. «Вотъ вами спасенъ нашъ сынокъ»-сказала мать, а я себя думаю: да, какъ солнце солнцуетъ, то и Ванька-дурачекъ танцуетъ. На столъ появился графинъ съ винограднымъ виномъ, объемистый кавунъ, большая тарелка съ виноградомъ, булки; зашипѣла на сковородѣ яичница. Собрались сосѣди посмотрѣть на «спасителя», а спасенный подошелъ и поцѣловалъ меня въ руку. Я поѣлъ и хотѣлъ уходить, но не пустили, говоря: вотъ есаулъ хотѣлъ васъ видѣть, онъ тутъ недалеко живетъ... мы сейчасъ пошлемъ за нимъ! Скоро приѣхалъ есаулъ (станичный начальникъ въ чинѣ полковника), разспросилъ меня, гдѣ я служу, записалъ мое имя и фамилію, затѣмъ спросилъ: «ты еврей?» Когда я отвѣтилъ утвердительно, онъ больше не сталъ разспрашивать и уѣхалъ.

Прибывъ на мѣсто службы, я явился съ рапортомъ къ дивизионному врачу и къ полковому. Предварительно отпрапортовалъ дивизионному врачу, я показалъ аттестатъ, выданный мнѣ партіоннымъ офицеромъ.

-«Молодецъ Меримзонъ! - сказалъ врачъ, - но только на тебя есть жалоба»... Я поблѣднѣлъ. Замѣтивъ мой испугъ, онъ сказалъ: «За эту жалобу я тебя представлю въ старшіе фельдшера!».. Радости моей не было границъ. Старшій полковой докторъ, не давая мнѣ рапортовать, сразу похвалилъ и спросилъ: «Какъ ты тамъ казака вылѣчилъ?.. Дивизионный докторъ получилъ за тебя спасибо».

Старшій фельдшеръ, который при вскрытіи труповъ смазалъ мнѣ губы мертвечиной, сталъ хворать и не могъ заниматься письмоводствомъ по лазарету. Онъ сталъ меня просить, чтобы я ему помогалъ писать, а мнѣ это, кстати, и нужно было, ибо я долженъ былъ готовиться къ этой должности, къ которой меня предназначилъ дивизионный врачъ. Фельдшеру моему стало день ото дня хуже; онъ въ скоромъ времени скончался, и мнѣ же пришлось его вскрывать. И вотъ я поступилъ на мѣсто старшаго фельдшера. Имѣя власть распоряжаться всѣмъ лазаретомъ, я сталъ часто посѣщать кухню и смотрѣть, чтобы больныхъ удовлетворяли пищей, и чтобы служителя не обижали. Лазаретный надзиратель, увидѣвъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, сталъ ко мнѣ ласкаться, приглашалъ къ себѣ столоваться (онъ былъ женатъ), котлетками подкармливалъ, да пивомъ угощалъ. Жена его оказывала мнѣ услуги по части починки и стирки бѣлья. При мѣсячныхъ отчетахъ я сталъ получать «подмазки», - словомъ я сдѣлался «начальствомъ». Такъ я блаженствовалъ года три. Меня приглашали на свадьбы, на именины, на крестины, и всюду я былъ любимъ, не смотря на то, что я еврей.

Глава VI.

Близость отставки и приготовление къ отъѣзду домой. - По дорогѣ на родину я стараюсь принять еврейскій обликъ. - Первый домъ въ родномъ городѣ. - Родители не признаютъ меня своимъ сыномъ. - Вмѣшательство раввина; удостовѣреніе моего еврейства. - Сватовство. - Меня женятъ вопреки моему желанію.

Приближался конецъ моей военной службы. Въ связи съ новымъ воинскимъ уставомъ (1874 г.), прошли слухи, что и для взятыхъ по старому рекрутскому уставу будетъ сокращенъ срокъ службы, а бывшимъ кантонистамъ зачтутъ все время пребыванія въ войскахъ (прежде служба считалась только съ 20-лѣтняго возраста).

Тутъ я подумаль, что надо сколько-нибудь подучиться по еврейски, чтобы не прїѣхать домой какъ «амгаарець»²⁵. Я по знакомилсъ съ рѣзникомъ и сталъ ходить къ нему на уроки. Сначала онъ повторилъ со мной то, чему я когда-то училсъ въ хедерѣ, а потомъ сталъ мнѣ переводить съ древне - еврейскаго языка на жаргонъ. Къ сожалѣнію, я могъ только учиться одну зиму, ибо лѣтомъ мы пошли подѣ Москву, въ лагерь. Учитель мнѣ далъ одну книжку съ переводомъ на жаргонъ, и въ лагеряхъ я ее усердно зубрилъ. Изъ лагеря нашу дивизию перевели въ Тулу. Тамъ я и прослужилъ до выпуска въ запасъ. По окончаніи службы, я сначала думаль остаться въ Тулѣ и тамъ поступить въ какую-либо больницу или въ земство; но меня потянуло на родину, къ своимъ.

И я двинулся въ черту еврейской осѣдлости. Не доѣзжая родного города, я остановился въ Ковнѣ для того, чтобы тамъ купить религиозный уборъ: «арбеканфось», «тефилинъ» и т. п. Я разыскалъ «софера»²⁶ и закупилъ у него весь этотъ товаръ. Онъ со мною сдѣлалъ репетицію, какъ надѣвать «тефилинъ» и какія молитвы читать, а жена его сшила мнѣ «арбеканфось»; я ее просилъ сдѣлать этотъ нарядъ короче жилетки, чтобы «цицисъ» не болтались.

Попрощавшись съ соферомъ, я отправился къ поѣзду. Сижу въ вагонѣ, и радостно мнѣ отъ мысли, что ѣду на родину исполнять *kibud av v'oem*²⁷, что былъ я рабъ, а теперь свободный человекъ, что и къ Богу я приблизился и къ его святой Торѣ, съ которой возобновилъ знакомство въ Ковнѣ. И такъ думая, я сладко заснулъ. Прїѣхалъ я въ свой родной городокъ въ четыре часа послѣ полуночи. Гдѣ мои родные живутъ, я не зналъ. Ночь была темная. Я пошелъ бродить по улицѣ. Иду и вижу, что въ одномъ домѣ свѣтится огонь; я глянулъ въ окно и увидѣлъ, что булочникъ сажаетъ булки въ печку, а на кровати сидитъ старушка и, слегка покачиваясь, заунывно читаетъ молитвы изъ «корбанъ минхо».

Я зашелъ, чтобы спросить, гдѣ мои родители живутъ. И лишь только я зашелъ, не успѣвъ еще поздороваться съ ними, какъ они въ испугѣ моментально бросили свою работу; испугались они, потому что думали, что внезапно полицейскій зашелъ, такъ какъ я былъ въ полной своей унтеръ - офицерской формѣ. Булочникъ, торопливо подавъ табуретку, сказалъ: шадайте, панъ гашпадинъ!.. Замѣтивъ, что они оробѣли, я сказалъ по еврейски: «я еврей, здѣшній уроженецъ». Услышавъ это, старушка, закрыла свой молитвенникъ, а пекарь поставилъ лопату въ уголь, и стали меня оба спрашивать, чей я. Я сказалъ.

- «Ахъ это ты, Хаимке!.. - воскликнула старуха. Нохимъ, бѣги скорѣй, заработай «мицве»: скажи роднымъ, или иди вмѣстѣ съ нимъ».

Я предпочелъ идти вмѣстѣ; старушкѣ тоже захотѣлось «заработать мицве», и зная, что мой отецъ въ это время уже въ бесгамедрешѣ, она побѣжала сообщить ему радостную вѣсть.

Пришли мы всѣ: старушка, Нохимъ и я. Взойдя въ избушку я былъ пораженъ ея жалкимъ видомъ и крайнею бѣдностью обстановки. Сердце сжалось, глаза наполнились слезами. Въ эти минуты я забылъ, гдѣ нахожусь. Старушка съ

²⁵ выражение, употребляемое в разговорном еврейском языке для обозначения неуча, невежды, особенно в области еврейской письменности и знания религиозных законов.

²⁶ Еврейская профессия, человек, который пишет свитки Торы и другие святыя тексты. Все такие свитки пишутся софером на святом языке иврит от руки, специальными чернилами на пергаменте из кожи кошерного животного. При этом форма букв и вид шрифта строго регламентированы.

²⁷ Почитание отца и матери. Почитание родителей - это пятая из Десяти Заповедей, и от исполнения ее, как сказано в Торе, зависит само существование Израиля.

Нохимомъ стали поздравлять моихъ родителей съ дорогимъ гостемъ, показывая на меня. Родители какъ то дико посмотрѣли на меня и злобно стали кричать на булочниковъ, говоря: «Что вы пришли смѣяться надъ нами, горемычными? Стыдно вамъ насмѣхаться, забавляться нашимъ несчастіемъ! Не открывайте уже почти зажившихъ ранъ! Мы уже стали про него забывать»...

- Ребъ Іосифъ, Мереле! что вы сердитесь! - перебили старушка и Нохимъ. Вѣдь это вашъ сынъ.

-«Нѣтъ, нашъ бывший сынъ уже давно покинулъ нашу святую вѣру. Это мы отъ стыда до сихъ поръ скрывали! Охъ»!.

- А почему онъ бы зналъ вашу фамилію, еслибъ не онъ.

-«Можетъ быть, этотъ «орлъ» съ нашимъ сыномъ служилъ получилъ отъ него адресъ... Охъ, ребъ Нохимъ, просимъ васъ? будьте добры, скажите ему, пусть онъ идетъ къ своимъ родителямъ; вы умѣете съ нимъ говорить; пусть онъ не стоитъ надъ нашей душой. Будьте добры, прошу васъ, скажите этому сержанту: пусть идетъ»!.. Съ этими словами отецъ повернулся и ушелъ въ бесгамедрешъ, такъ какъ время уже было къ заутрени, «восикинъ». Нохимъ съ женою пытались урезонить мою мать, говоря: «вѣдь этотъ солдатъ - еврей и умѣетъ говорить по еврейски». «Да развѣ нѣтъ гоимъ, умѣющихъ говорить по еврейски? - возразила мать. Да и какъ вы можете меня увѣрять, что онъ нашъ сынъ, когда вы его сами въ первый разъ видите? Идите съ нимъ, ради Бога»!..

Я все время стоялъ, какъ окаменѣлый, смотрѣлъ на мать, хотѣлъ было броситься къ ней на шею и радоваться, что я ее засталъ въ живыхъ; но подумалъ, что дай я волю своимъ чувствамъ, я ее на смерть перепугаю. Я взялъ свои вещи и отправился въ номеръ постоялаго двора. Сажу и думаю, какъ я, сидя недавно въ вагонѣ, строилъ планы радостной встрѣчи съ родными и новой жизни среди покинутыхъ братьевъ. А теперь меня даже не признаютъ своимъ... Мои горькія мысли были прерваны: явился шамесъ²⁸ и потребовалъ меня къ раввину. Я сейчасъ догадался, что, вѣроятно, онъ требуетъ меня для удостовѣренія о дѣйствительности моего еврейства; поэтому я захватилъ съ собою вещественныя доказательства - мои молитвенныя принадлежности. Раввинъ посмотрѣлъ на мундиръ и пожалъ плечами: дескать, по-одеждѣ не еврей.

- А чѣмъ ты, сынокъ, можешь доказать, что ты не перекрестился? - спросилъ онъ. «Вотъ вамъ первое доказательство» - и я разстегнулъ мундиръ и показалъ ему, что не крестъ на мнѣ, а «арбеканфосъ». Затѣмъ я ему предъявилъ второе доказательство - кисеть, въ которомъ покоились тефилинъ, и наконецъ сидуръ. Всего этого оказалось, однако, недостаточно, и раввинъ потребовалъ у меня запасной билетъ, которому можно повѣрить лучше тѣхъ трехъ свидѣтелей. А такъ какъ раввинъ, кромѣ языка Талмуда, никакихъ языковъ не зналъ, онъ послалъ за писаремъ изъ мѣстныхъ войскъ, который оказался евреемъ, и тогда лишь удостовѣрился въ правдивости моихъ словъ. Онъ благословилъ меня, положивъ руки на мою голову.

Сейчасъ же онъ послалъ шамеса за моими родителями, и тѣ живо прибѣжали. Раввинъ весело встрѣтилъ ихъ и сказалъ: «Теперь будьте увѣрены, что сынъ вашъ еврей, и можно его цадикомъ назвать, что онъ перенесъ столько страданій за нашу

---

²⁸ Служитель синагоги у евреев.

вѣру. Дай мнѣ Богъ хотя бы частицу его «оламъ-габо!».. Родители, услыхавъ это, мигомъ преобразились. Мать кинулась ко мнѣ, охватила мою шею и, прижавъ мою голову къ своей груди, стала плакать, причитывая: «Милый мой, дорогой сыночекъ! дорогой мой кадишь! прости насъ, что мы тебя обидѣли, что мы послали тебѣ рубль на веревку! Прости насъ... Пусть вѣшаются враги наши... прости!» «Дорогіе мои родители, - сказала я, простите вы меня, Я не сердился на васъ, ибо я зналъ, что кто-нибудь налгалъ вамъ, будто я перемѣнилъ нашу святую вѣру. Я, можетъ быть, благодаря вашимъ молитвамъ, уцѣлѣлъ; можетъ быть, ваши слезы дошли до Бога, и я удостоился свидѣться съ вами». Отецъ обнялъ насъ обоихъ, и мы всѣ плакали слезами радости. Раввинша, услыхавъ нашъ смѣшанный плачъ, подошла и сказала родителямъ: что вы плачете! вы должны радоваться и благодарить Бога, что дождались его; теперь ведите его.

- Аминь!-сказалъ раввинъ... Мы встали, и родители меня повели въ свою убогую избу.

Войдя въ домъ, мать напомнила мнѣ, чтобы я въ добрый часъ поцѣловалъ «мезузе». И пошла радостная суета. Мать побѣжала за селедкой, отецъ за водкой, а я, оставшись одинъ, осматривалъ ихъ богатства. Черезъ нѣсколько минутъ столъ былъ готовъ. Я налилъ рюмку, предварительно громогласно сотворилъ молитву и сказалъ: радуюсь, дорогіе мои родители, что ради вашихъ молитвъ Богъ удостоилъ меня видѣть васъ живыми «Лехаимъ! радуемся и мы, - отвѣтилъ отецъ, - что Богъ продлилъ нашъ вѣкъ и сподобилъ насъ видѣть тебя... Въ этомъ твоя заслуга, что ты жертвовалъ собой и переносилъ иго во имя нашей святой вѣры. Лехаимъ, сыночекъ! Дай Богъ намъ вести тебя къ вѣнцу съ хорошимъ «зивегомъ». Аминь!».

Въ городкѣ узнали, что я лѣкарь – «рофе хойлимъ» и слѣдовательно, могу прокормить жену, стали ходить свать за сватомъ, сваха за свахой; каждый и каждая расхваливали свою невѣсту, что она во всѣхъ отношеніяхъ «одна въ мірѣ», что она умѣетъ шить, вышивать и чулки вязать, словомъ - a'girotene. Но мать моя, хорошо зная всѣхъ невѣсть, всѣмъ посредникамъ отказывала и сама подыскала мнѣ невѣсту, такую Биту, которая послѣ оказалась, какъ говорится, ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга. Мать повела меня на смотрины. Предо мною стояла немолодая дѣвка, хорошо откормленная, краснощекая, съ почти правильными чертами лица, хорошо сложена; но всмотрѣвшись въ глаза и манеры, я убѣдился, что она весьма недалекаго ума.

Съ обѣихъ сторонъ родители стали спѣшить, чтобы немедленно заключить «тноимъ»²⁹ и не надолго откладывать свадьбу. Мать заказала для меня вольный костюмъ и стала готовиться къ тноимъ, а я упрашивалъ родителей не торопиться, говоря: Дайте мнѣ осмотрѣться, познакомиться съ мѣстными условіями, съ мѣстными языками (литовскій, польскій и нѣмецкій). Да я еще не увѣренъ и въ своей фельдшерской практикѣ... подождите».

- Охъ, сынокъ мой, довольно ждали. Чего откладывать? День нашъ - вѣкъ нашъ - возражала мать... Стали водить наряженную невѣсту къ намъ, а я какъ увижу ее - да на утекъ. Мать стала догадываться, что я къ невѣстѣ не расположенъ, и стала меня упрекать: «Что ты, сынокъ мой, хорохоришься? Тебѣ даютъ дѣвку -

---

²⁹ Еврейская помолвка называется Тноим, что буквально означает «условія». Помолвка знаменует окончательную договоренность между женихом, невестой и их родителями о свадьбе. Эту договоренность принято закреплять в письменном виде. При этом жених совершает киньян – символическое действие (поднятие какой-либо вещи, например, носового платка), обозначающее окончательность его решения.

a'Zimes, да еще 300 рублей приданого, а ты куражишься! Вѣдь ты не что иное, как солдатъ: развѣ изъ порядочнаго семейства отдадутъ дочку за солдата? Это только ради насъ, что мы считаемся въ городкѣ за «jachsonim» Нѣтъ, полюби сынокъ дѣвку, она намъ нравится... Я пересталъ упорствовать, вспомнивъ, что прїѣхалъ исполнять заповѣдь о почитаніи родителей. И вотъ устроили «тноимъ»: затрещали горшки, загремѣли кувшины, закричали «мазелтовъ, мазелтовъ³⁰!» Мехутонъ вручилъ раввину 300 рублей приданого. Родители съ обѣихъ сторонъ стали почти каждый день въ гости ходить и другъ друга изъ лёка (субботній кувшинъ) чаемъ поить, а насъ, молодыхъ, заставляли за городомъ прогуливаться. И вотъ я однажды прошелся съ невѣстой и сталъ спрашивать про ея отцовскія дѣла, желая испытать ея разумъ. Она же на мои вопросы какъ изъ ружья выпалила дикимъ смѣхомъ. Я спрашиваю: «что вы смѣтаетесь?» - а она пуще заливается, рассказываетъ мнѣ, что сегодня у нихъ кошка поймала мышъ, а мать, выгоняя, чуть не упала черезъ порогъ... Ну, думаю, пропала моя головушка; но что дѣлать? Договоръ при трехъ свидѣтеляхъ подписанъ, горшки побиты, приданое внесено, а главное - матери моей нравится. Что-жъ дѣлать? Не всѣмъ же съ умницей жить, а куда дурамъ дѣваться?.. Когда я вернулся домой, я уже тамъ засталъ портного, который явился снять мѣрку для вѣнчальной капоты (пальто). Я просилъ шить какъ можно покороче, а мать настаивала, чтобы было длинно до самыхъ пятокъ: «Нельзя, сыночекъ мой, по нашему закону стоять подъ хупой въ короткомъ пальто. Люди будутъ смѣяться, скажутъ: a'daitsch».

На другой день портной принесъ капоту, надѣлъ на меня и какъ разъ угодилъ по желанію матери. Сапоги смазали мнѣ чистымъ деготькомъ, на голову натянули ермолку, стараясь, чтобы она болѣе лежала къ затылку; сверхъ ермолки, надѣли отцовскій праздничный штраймль, подпоясали меня отцовскимъ темносинимъ поясомъ и повели меня, «красавца», подъ вѣнецъ. Стоя подъ хупой, мать шепнула отцу: «посмотри-ка, Алтеръ, какъ нашъ сынокъ сіяетъ, словно ясное солнышко, какъ будто святой духъ витаетъ надъ нимъ; только жаль, что пейсы не успѣли вырасти»... Какъ сіяетъ невѣста, мать не могла разсмотрѣть, потому что та была накрыта вуалью. Охъ, какъ мнѣ не хотѣлось надѣвать вѣнчальное кольцо на палецъ этой дуры и сказать. Но я, скрѣпя сердце, выговорилъ три слова, а какъ дошло до четвертаго - языкъ мой точно одервенѣлъ, и я не могъ выговорить дальше. Стаканчикъ отъ вина я злобно раздавилъ каблукомъ. И повели насъ изъ подъ хупы съ музыкой. Музыка играла, а бадхонъ³¹ приговаривалъ:

Fun der Chupe zu der Sude,

Halt sich, halt sich mit der Dude!..

Es is schon ferfallen? es is schon noch alemen.

И такими стихотворными прибаутками бадхонъ насъ сопровождалъ до самаго дома. Тамъ насъ, молодыхъ, посадили какъ царя съ царицей или вѣрнѣе - какъ гусака съ индюшкой. Подали намъ «золотой супъ» съ курятиной. Мужчины сѣли за столъ пировать. Молодежь стала танцевать. Мать съ тещей затанцевали «кошерный танецъ», и тѣмъ свадьба кончилась.

³⁰ в буквальном переводе с идиш "good luck". Но говорится в качестве поздравления. Можно перевести и как «поздравляю», «на счастье», «удачи» и т. д.

³¹ Традиционный участник еврейской бытовой свадьбы, сопровождавший свадебный праздник стихотворными импровизациями.

Вскорѣ мѣстные евреи стали обращаться ко мнѣ за медицинской помощью, больше жалуясь на желудочныя болѣзни. За визиты еще изстари была установлена кагаломъ такса: фельдшеру за визитъ (ок. 15 коп.), а доктору - вдвое. И вотъ я вооружился подходящими лекарствами и пошелъ нагружать свои карманы мѣдными монетами. Пришла пятница, я сосчиталъ свой недѣльный заработокъ, и оказалось, что заработалъ только на соль, на лукъ и перецъ, а на остальное пришлось взять изъ приданаго. На другой недѣлѣ, по рекомендаціи нѣкоторыхъ евреевъ, стали приходить литовцы, но я не понималъ ихъ языка, и приходилось обращаться къ услугамъ переводчика, который требовалъ за это плату. Затѣмъ стали являться и поляки, и мнѣ нужно было приспособляться также къ польскому языку. Бывало, въ базарный день, соберутся мои паціенты и заговорятъ всѣ, каждый на своемъ языкѣ, а у меня въ мозгу отъ этого говора какая-то каша образуется, на подобіе московской тюры.

Такъ я помучился года три, и наконецъ махнулъ рукой на все это вавилонское смѣшеніе языковъ и вернулся въ Россію. Россія - матушка меня понимаетъ, и я ея натуру знаю; она меня какъ - нибудь прокормитъ. И дѣйствительно, въ скоромъ времени я поступилъ на службу въ земство Брянскаго уѣзда, Орловской губ., и устроился довольно хорошо. Позже я перешелъ на службу въ городскую больницу г. Брянска, а потомъ занялся вольной практикой ..

Шли годы. Вскорѣ по возвращеніи моемъ со службы сошли въ могилу мои престарѣлые родители. Не наладилась и моя личная семейная жизнь... И теперь, въ глубокой старости, я чувствую себя одинокимъ, заброшеннымъ...

Jetzt auf der Elter bin ich geblieben einer allein, Elend wie a'Stein, elend wie a'Stein...

М. И. Меримзонъ.